

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Багдадская встреча

Агата Кристи

Багдадская встреча

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121932
Агата Кристи Багдадская встреча: Эксмо; 2009
ISBN 978-5-699-32178-0
Оригинал: Agatha Christie, "They Came to Baghdad"
Перевод:
Инна Максимовна Бернштейн*

Аннотация

Богатое воображение и неожиданно свалившаяся на голову любовь занесли юную Викторию Джонс на край света, в Багдад, накануне событий мирового значения. Девушка оказывается в эпицентре кровавой политической игры, устроенной организацией фанатиков, рвущейся к власти над миром. Любовь и приключения, шпионаж и убийства, археология и политика – все переплелось в книге великой рассказчицы Леди Агаты!

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	14
Глава 2	19
Глава 3	36
1	36
2	44
Глава 4	46
1	46
2	53
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Агата Кристи

Багдадская встреча

*Посвящается всем моим багдадским
друзьям*

Глава 1

1

Капитан Кросби вышел из банка с довольным видом — как вкладчик, который снял деньги со счета, а там, оказывается, еще осталось больше, чем он предполагал.

У капитана Кросби часто бывал довольный вид. Такой характер. С собой он был невысок, коренаст, румян, и усы армейские, щеточкой. Походка тоже отчасти армейская, ать-два. Одевался разве что немного пестровато. Зато обожал слушать чужие рассказы. Однополчане его любили. Эдакий бодрячок, звезд с неба не хватает, но душевный. И холост. В общем, человек ничем не примечательный. Таких на Востоке сколько угодно.

Улица, на которую вышел капитан Кросби, именовалась Банк-стрит – по той простой причине, что на ней были расположены чуть не все банки города. В помещении банка стояла полутьма и прохлада и немного пахло затхлостью. В тишине раздавался только стрекот пишущих машинок.

А вот на улице сияло солнце, ветром кружило сор, и воздух дрожал от оглушительной разноголосицы. Настырно гудели автомобили, орали всевозможные разносчики. Люди, сбившись в кучки, отчаянно бранились, казалось, готовые перерезать друг другу глотки, хотя на самом деле были добрыми приятелями; торговцы – мужчины, подростки, детишки – сновали по мостовой, перебегали через улицу, держа подносы, заваленные деревянными поделками, сладостями, апельсинами и бананами, банными полотенцами, грелками, бритвами и прочим товаром. Постоянно кто-нибудь зычно отхаркивался и смачно сплевывал. И, пробираясь среди машин и пешеходов, тонко, жалобно вопили погонщики ослов и лошадей: «Балек-балек!»¹

Было одиннадцать часов утра в городе Багдаде.

Остановив мальчишку, бегущего с охапкой газет, капитан Кросби купил у него свежий номер. И свернул за

¹ Дорогу! (араб.)

угол на улицу Рашид,² главную городскую магистраль, тянущуюся параллельно берегу Тигра³ на добрых четыре мили.

Капитан Кросби на ходу скользнул взглядом по газетным заголовкам, скрутил газету трубкой, сунул под мышку и, прошагав ярдов⁴ двести, очутился на углу узкого переулочка, который привел его на широкое подворье, по-местному – «хан». Он пересек открытый двор и толчком отворил одну из дверей, украшенную медной дощечкой. Внутри оказалась контора.

Навстречу с приветливой улыбкой поднялся аккуратный молодой клерк, местный уроженец.

– Доброе утро, капитан Кросби, чем могу быть полезен?

– Мистер Дэйкин у себя? Хорошо, я пройду к нему.

Он открыл еще одну дверь, поднялся на несколько ступенек, прошел в конец довольно грязного коридора, постучался. Из-за двери ответили:

– Войдите.

Комната с высоким потолком была просторна и почти пуста, – только керосинка, на которой грелась в

² *Ар-Рашид* – главная торговая магистраль Багдада; названа именем легендарного халифа Харун-ар-Рашида.

³ *Тигр* – крупная река в Ираке и Турции, сливается с рекой Евфрат. Междуречье Тигра и Евфрата – один из древнейших центров цивилизации (Вавилония, Ассирия, Шумер).

⁴ *Ярд* – единица длины в системе английских мер, равная 0,9144 м.

миске вода, низкая оттоманка,⁵ перед ней кофейный столик, поодаль – массивный, довольно обшарпанный письменный стол. Горело электричество, а окна были тщательно зашторены. За обшарпанным столом сидел человек, тоже довольно обшарпанный, у него было усталое, равнодушное лицо неудачника, который сам сознает, что ничего в жизни не добился, но давно уже махнул на все рукой.

Эти двое: бодрый, самоуверенный Кросби и понурый, скучливый Дэйкин – посмотрели друг на друга.

Дэйкин произнес:

– Хэлло, Кросби. Прямо из Киркука?⁶

Гость кивнул. Тщательно закрыл за собой дверь. Она была тоже обшарпанная, плохо выкрашенная, но обладала одним неожиданным свойством: закрывалась плотно, ни щелки, ни зазора ни снизу, ни с боков.

Дело в том, что это была звуконепроницаемая дверь.

Как только она закрылась, в облике обоих действующих лиц произошли некоторые перемены. Капитан Кросби смотрел уже не так вызывающе-самодовольно. Мистер Дэйкин перестал так безнадежно сутулиться, во взгляде его появилась твердость. Присут-

⁵ *Оттоманка* – широкий мягкий диван с подушками, заменяющими спинку, и с валиками по бокам.

⁶ *Киркук* – город на северо-востоке Ирака (в Курдистане).

ствуй в комнате кто-то третий, он бы, к своему изумлению, увидел, что главный здесь – Дэйкин.

– Есть новости, сэр? – спросил Кросби.

– Да, – со вздохом ответил Дэйкин. Перед ним на столе лежала бумага, которую он только что кончил расшифровывать. Он обвел две последние буквы и сказал: – Местом назначен Багдад.

Чиркнув спичкой, он поджег листок, выждал, пока бумага вся прогорит, а затем легонько дунул и развеял пепел.

– Да, – повторил он еще раз, – остановились на Багдаде. Двадцатого числа будущего месяца. Нам предписано «соблюдать полнейшую секретность».

– Об этом на базарной площади уже три дня идут разговоры, – сухо заметил Кросби.

Его долговязый собеседник устало усмехнулся.

– Полнейшая секретность! На Востоке полнейшей секретности не бывает, как мы с вами знаем, Кросби.

– Совершенно справедливо, сэр. Да ее и нигде не бывает, на мой взгляд. Во время войны я часто замечал, что парикмахер в Лондоне знает больше, чем верховное командование.

– В данном случае это не так уж и важно. Раз принято решение, что встреча состоится в Багдаде, все равно скоро будет объявлено официально. И вот тут-то начнется наша с вами забава.

– А вы полагаете, она действительно состоится, сэр? – с сомнением спросил Кросби. – По-вашему, дядя Джо⁷ (так неуважительно у них именовался глава одной из великих европейских держав) всерьез согласен приехать?

– По-моему, на этот раз да, Кросби, – посерьезнев, ответил Дэйкин. – Я считаю, что да. И если встреча произойдет – и пройдет без помех, – это может быть спасением для... для всех. Только бы добиться хоть какого-то взаимопонимания... – Он замолчал.

– Простите, сэр, вы полагаете, что взаимопонимание, хоть в каком-то виде, все же возможно?

– В том смысле, как вы это понимаете, Кросби, может быть, и нет. Если бы речь шла просто о встрече двух человек, представляющих две совершенно разные идеологии, вполне возможно, что дело бы опять кончилось ничем, только еще усилились бы с обеих сторон отчуждение и подозрительность. Но тут есть еще и третий фактор. Если то, что сообщает Кармайкл, при всей невероятности, правда...

– Но, сэр, это не может быть правдой! Это фантастика.

Шеф задумался и молчал. Ему ясно, как вживе, вспомнилось серьезное, встревоженное лицо, тихий

⁷ Здесь явный намек на Иосифа Сталина (1879–1953), которого в правительственных кругах Запада именовали не иначе как «дядя Джо».

невыразительный голос, рассказывающий невероятные, фантастические вещи. И опять, как тогда, он сказал себе: «Одно из двух: либо мой самый лучший, самый надежный агент сошел с ума, либо то, что он говорит, – правда».

А вслух прежним печальным голосом ответил:

– Кармайкл поверил. И все данные только подтверждают его гипотезу. Он решил отправиться в те края и привезти доказательства. Не знаю, прав ли я был, что отпустил его. Если он не вернется, в моем распоряжении будет только то, что Кармайкл рассказал мне, а ему – кто-то еще. Убедительно ли это прозвучит? Вряд ли. Фантастика, как вы говорите. А вот если двадцатого числа он сам окажется в Багдаде и выступит как прямой очевидец и предъявит доказательства...

– Доказательства? – переспросил Кросби.

Дэйкин кивнул:

– Да, он раздобыл доказательства.

– Откуда это известно?

– Условная фраза. Получена через Салаха Хассана. – Он вдумчиво произнес: – «Белый верблюд с грузом овса прошел через перевал».

Он помолчал. Потом продолжил:

– Так что Кармайкл добыл то, за чем отправился, но навлек на себя подозрения. По его следу идут. Какой бы маршрут он ни избрал, за ним будет вестись

наблюдение, и, что самое опасное, здесь ему подготовлена встреча. И не одна. Сначала на границе. А если он все же через границу проберется, то в городе все посольства и консульства будут взяты в кольцо, чтобы не дать ему доступа внутрь. Вот смотрите.

Дэйкин перебрал пачку бумаг на столе и зачитал одну:

– «Застрелен – по-видимому, бандитами – англичанин, путешествовавший на собственной машине из Персии в Ирак». «Курдский купец, спустившийся с гор, попал в засаду и был убит». «Другой курд, Абдул Хассан, расстрелян в полиции по подозрению в контрабанде сигарет». «На Ровандузской дороге обнаружен труп мужчины, впоследствии опознан: армянин, водитель грузовика». И все жертвы, заметьте, объединяет некоторое приблизительное сходство. Рост, вес, волосы, телосложение примерно соответствуют описанию Кармайкла. Так что там не полагаются на авось. Их действия имеют целью перехватить его во что бы то ни стало. В Ираке же его ждет еще больше опасностей. Садовник в посольстве, прислуга в консульстве, служащий в аэропорту, в таможне, на железнодорожном вокзале... Все гостиницы под наблюдением... плотное, неразрывное кольцо.

Кросби вздернул брови.

– Вы думаете, такая широкая организация, сэр?

– Без сомнения. А утечки происходят даже в нашем ведомстве. И это самое ужасное. Могу ли я быть уверен, что предпринимаемые нами меры для благополучного прохода Кармайкла в Багдад уже не стали известны той стороне? Самый простой шаг в игре, как вы знаете, – перекупить кого-нибудь в чужом лагере.

– И у вас есть... э-э... подозрения?

Дэйкин медленно покачал головой.

Кросби перевел дух.

– Ну, а пока, – проговорил он, – мы продолжаем выполнять приказ?

– Да.

– А как насчет Крофтона Ли?

– Он согласился приехать в Багдад.

– Все съезжаются в Багдад, – сказал Кросби. – Даже дядя Джо, как вы сказали, сэр. Но если здесь что-нибудь случится с президентом, аэростат, как говорится, взовьется на недостижимую высоту.

– Не должно ничего случиться, – сказал Дэйкин. – На то здесь мы. Чтобы ничего не случилось.

Кросби ушел, а Дэйкин остался сидеть, горбясь над столом.

– В Багдад съезжаются гости... – пропел он себе под нос.

Он нарисовал на промокательной бумаге круг, подписал: «Багдад», вокруг точечками изобразил вер-

блюда, самолет, пароход, паровозик с дымом. А в углу – нечто вроде паутины, в середине паутины – имя: «Анна Шееле». И снизу большой вопросительный знак.

Затем надел шляпу и вышел из конторы. На улице Рашид один прохожий спросил у другого, кто это.

– Вон тот? Да это же Дэйкин. Служит тут в одной нефтяной компании. Вообще он ничего. Но размазня. Всегда будто со сна ходит. И пьет, говорят. Безнадежный случай. В здешних краях кто не напорист – ничего не добьется.

– Данные по имуществу Кругенхорфа у вас готовы, мисс Шееле?

– Да, мистер Моргенталь.

Мисс Шееле, невозмутимая и безупречная, положила на стол босса требуемые бумаги.

Он прочитал и удовлетворенно крякнул.

– По-моему, неплохо.

– Я тоже так думаю, мистер Моргенталь.

– Шварц уже здесь?

– Дождется в приемной.

– Давайте его сюда.

Мисс Шееле нажала соответствующую кнопку – одну из шести.

– Я вам не нужна, мистер Моргенталь?

– Как будто бы нет, мисс Шееле.

Анна Шееле бесшумно выскользнула из кабинета.

Она была платиновая блондинка – но совсем невидная из себя. Льняные волосы гладко зачесаны со лба назад и сколоты валиком на затылке. Умные голубые глаза загорожены толстыми стеклами очков. Личико аккуратное, но невыразительное. Нет, положения в жизни она добилась не женским обаянием, а исключительно высокой компетентностью. Она дер-

жала в голове все: имена, даты, сроки – и не нуждалась ни в каких записях. Деятельность крупного учреждения она организовала так, что оно у нее работало, как хорошо смазанный механизм. Воплощенная ответственность, она обладала неисчерпаемой энергией, была всегда сдержанна и безукоризненно владела собой.

Отто Моргенталь, глава международной банковской фирмы «Моргенталь, Браун и Шипперке», отлично сознавал, что обязан Анне Шееле очень многим, чего ни за какие деньги не купишь. Он доверял ей безоговорочно. Ее память, опыт, ее хладнокровный, четкий ум не имели цены. Он платил ей высокое жалование и готов был надбавить еще по первому ее намеку.

Она знала досконально не только его бизнес, но и его личную жизнь. Он советовался с ней, когда возникли сложности со второй миссис Моргенталь, – это она порекомендовала развод, и она же назвала сумму алиментов. И ни соболезнований, ни любопытства. Не в ее характере, так считал мистер Моргенталь. Он вообще не представлял себе, чтобы у нее могли быть какие-то личные чувства, и никогда не задавался вопросом, о чем она думает. По его понятиям, у нее и мыслей никаких быть не могло – то есть, конечно, посторонних мыслей, не связанных с компанией «Моргенталь, Браун и Шипперке» и с его, Отто Моргенталем,

личными трудностями.

Потому не было предела его изумлению, когда, направляясь к двери, она сказала:

– Я хотела бы, если можно, получить отпуск на три недели, мистер Моргенталь. С будущего вторника.

Он вылупил глаза и смущенно пробурчал в ответ:

– Э-э-э, это было бы крайне некстати. Крайне.

– Не возникнет ни малейших затруднений, мистер Моргенталь. Мисс Уайгет вполне со всем справится. Я оставлю ей свои записи и подробные указания. А сли-
янием компаний Эшера займется мистер Корнуолл.

Все так же растерянно мистер Моргенталь осведо-
мился:

– Вы ведь... это... м-м-м... не по болезни?

Что мисс Шееле способна заболеть, казалось ему
немыслимым. Даже микробы должны из почтения
держаться от нее в стороне.

– О нет, мистер Моргенталь. Я хочу съездить в Лон-
дон повидаться с сестрой.

– С сестрой? – Он и не знал, что у нее есть сестра.
По его понятиям, у мисс Шееле вообще не могло быть
родных и близких. И она ни о чем таком до сих пор ни-
когда не заикалась. А вот теперь, пожалуйста, сестра
в Лондоне. В прошлом году осенью она сопровождала
его в поездке в Лондон, и тогда ни о какой сестре
речи не было.

Со справедливой укоризной в голосе он сказал:

– Первый раз слышу, что у вас есть сестра в Англии.

– Есть, мистер Моргенталь, – чуть-чуть улыбнувшись, ответила мисс Шееле. – Замужем за англичанином, сотрудником Британского музея.⁸ Ей предстоит серьезная операция, и она просит, чтобы я находилась при ней. Я хочу поехать.

Иными словами, как понял Отто Моргенталь, она уже твердо решила, что поедет.

– Хорошо, хорошо, – ворчливым тоном сказал он. – Но возвращайтесь по возможности скорее. Рынок еще никогда так не лихорадило. Всё они, коммунисты. Того гляди, война разразится. Мне иногда вообще представляется, что это единственный выход. Здесь от них уже просто житья не стало, совершенно житья не стало. А теперь президент надумал ехать к ним на конференцию в Багдад. На мой взгляд, это обыкновенный обман. Они его заманивают. Багдад, видите ли! Жутче места не нашли!

– Ничего, я уверена, что его будут очень бдительно охранять, – попыталась успокоить его мисс Шееле.

– В прошлом году они захватили иранского шаха,

⁸ *Британский музей* – один из крупнейших музеев мира, в Лондоне, открыт в 1759 году. Памятники первобытного, древневосточного, средневекового искусства, собрания рисунков, гравюр, рукописей, керамики, монет, медалей.

помните? В Палестине захватили Бернадотта.⁹ Безумие, вот что это такое. Чистое безумие. Весь мир сошел с ума, честное слово, – сумрачно заключил мистер Моргенталь.

⁹ *Бернадотт* – шведский дипломат, в 1949 году был похищен палестинскими террористами.

Глава 2

Виктория Джонс грустно сидела на скамейке в сквере Фиц-Джеймс-Гарденс, с головой уйдя в скорбные – даже, пожалуй, покаянные – мысли о том, как нехорошо свои природные таланты пускать в ход где не надо.

Виктория, как и все мы, обладала и достоинствами и недостатками. Из положительных ее свойств назовем великодушие, добросердечие и храбрость. Некоторый природный авантюризм можно рассматривать и так и эдак – слишком высоко ценятся в наш век стабильность и надежность. Главным же пороком ее была склонность лгать, причем и в подходящие, и в совершенно не подходящие моменты. Вымысел для нее всегда был неизмеримо соблазнительнее правды. Виктория лгала гладко, непринужденно и вдохновенно. Если она опаздывала на работу (что случалось достаточно часто), ей мало было пробормотать в свое оправдание, что у нее, мол, часы остановились (хотя так оно нередко и бывало) или что долго не приходил автобус. Она предпочитала рассказать, что поперек улицы на пути у автобуса лежал сбежавший из зоопарка слон или что в магазин, куда она забежала по дороге, ворвались налетчики, и пришлось помо-

гать полиции в их поимке. Если бы по Стрэнду рыскали тигры, а в Тутинге¹⁰ бесчинствовали кровожадные бандиты – вот это была бы жизнь по ней.

Виктория – тоненькая девушка, у нее неплохая фигурка и красивые, стройные ноги, а личико хоть и аккуратное, но, надо признать, довольно простенькое. Зато она умеет корчить самые невероятные, уморительные гримасы и очень похоже изображать кого угодно. Один поклонник даже прозвал ее «Резиновая мордашка».

Именно этот талант и довел ее до неприятностей. Она работала машинисткой у мистера Гринхольца в конторе «Гринхольц, Симмонс и Лидербеттер», что на Грейсхолм-стрит, W. C. 2, и однажды утром на досуге развлекала остальных трех машинисток и конторского мальчика, показывая в лицах, как миссис Гринхольц навещает мужа на работе. Уверенная, что опасаться нечего, поскольку мистер Гринхольц отбыл к своему поверенному, Виктория пустилась во все тяжкие.

– Почему, папочка, нам не купить такое хорошенькое канапе,¹¹ как у миссис Дивтакис? – тонким визгливым голосом вопрошала она. – Знаешь, у нее стоит с голубой атласной обивкой? Ты говоришь, с деньгами туго, да? Зачем же ты тогда водишь свою блондин-

¹⁰ *Тутинг* – лесопарковая зона на юге Лондона.

¹¹ *Канапе* – небольшой диван с приподнятым изголовьем.

ку в ресторан обедать и танцевать? А-а, думаешь, я не знаю? То-то. Раз ты водишь блондинку, то я покупаю канапе, обивка лиловая и золотые подушечки. И очень даже глупо с твоей стороны, папочка, говорить, что это был деловой обед, да. И являться домой обмазанным губной помадой. Так что я покупаю канапе, и еще я заказываю себе меховую накидку – очень прекрасную, под норку, просто не отличишь, совсем-таки дешево и выгодно...

Тут странное поведение публики, только что завоуженно ей внимавшей и вдруг дружно схватившейся за работу, побудило Викторию оборвать представление и обернуться к дверям – на пороге стоял мистер Гринхольц и взирал на нее.

Виктория не нашлась что сказать и только произнесла: «О!»

Мистер Гринхольц крикнул.

Он сбросил пальто, ринулся к себе в кабинет и хлопнул дверью. И сразу же заработала его жужжалка: два коротких звука и один протяжный. Это он вызывал Викторию.

– Тебя, Джонси, – без надобности уточнила одна из подружек по работе, и глаза ее вспыхнули злорадством. Две другие разделили это благородное чувство, выразив его одна восклицанием: «Ну и влетит тебе, Джонс», – а другая повторным призывом: «На

ковер, Джонси». Конторский мальчик, несимпатичный подросток, ограничился тем, что провел пальцем себе поперек шеи и зловеще прищелкнул языком.

Виктория прихватила блокнот с карандашом и явилась в кабинет мистера Гринхольца, мобилизовав всю свою самоуверенность.

— Я вам нужна, мистер Гринхольц? — поинтересовалась она, устремив на него невинный взор.

Мистер Гринхольц шуршал тремя фунтовыми бумажками и шарил по карманам в поисках мелочи.

— Ага, пришли, — заметил он. — Так вот, моя милая, с меня довольно. Я намерен немедленно выплатить вам выходное в размере недельного жалованья и прямо сейчас отправить вас отсюда на все четыре стороны. Попробуйте на это что-нибудь возразить, если сможете.

Виктория, круглая сирота, открыла было рот, чтобы приступить к рассказу о том, что ее бедная мамочка ложится на операцию и она, Виктория, так расстроена, что почти ничего не соображает, а ее маленькое жалованье — единственный для нее и вышеупомянутой мамочки источник существования... Как вдруг, взглянув в квелое лицо мистера Гринхольца, передумала и вместо этого радостно и убежденно произнесла:

— Совершенно, совершенно с вами согласна, ми-

стер Гринхольц. По-моему, вы абсолютно, ну абсолютно правы.

Мистер Гринхольц немного опешил. Он не привык, чтобы изгоняемые им служащие так приветствовали и одобряли его решение. Пряча растерянность, он пересчитал монеты у себя на столе и со словами: «Девяти пенсов не хватает» – снова взялся угрюмо шарить по карманам.

– Ну и бог с ними, – любезно сказала Виктория. – Можете сходить на них в кино или купить шоколадку.

– И марки тоже, по-видимому, кончились.

– Не имеет значения. Я все равно писем не пишу.

– Я мог бы послать вам по почте, – неуверенно предложил мистер Гринхольц.

– Не беспокойтесь, – ответила Виктория. – А вот как насчет отзыва о работе?

Мистер Гринхольц снова ощутил прилив негодования.

– С какой стати я буду писать вам отзыв? – возмущенно спросил он.

– Принято так, – пожала плечами Виктория.

Мистер Гринхольц притянул к себе листок бумаги, начертил несколько строк и пододвинул к ней:

– Устроит вас?

«Мисс Джонс два месяца работала у меня секретарем-машинисткой. Стенографирует неточно, пишет с

ошибками, оставляет службу из-за напрасной траты рабочего времени».

Виктория поморщилась.

– Что-то не похоже на рекомендацию, – заметила она.

– А я и не собирался вас рекомендовать.

– По-моему, вы должны по крайней мере написать, что я честная, непьющая и порядочная, потому что это чистая правда. И может быть, еще, что не болтаю лишнего.

– Это вы-то?

– Именно я, – тихо ответила Виктория, невинно глядя ему в глаза.

Мистер Гринхольц припомнил кое-какие письма, писанные Викторией под его диктовку, и решил, что осторожность – лучшее оружие мести.

Он разорвал первый листок и написал на втором: «Мисс Джонс два месяца работала у меня секретарем-машинисткой. Оставляет службу по причине сокращения штата».

– Так годится?

– Могло быть и лучше, – сказала Виктория, – но сойдет.

И вот теперь, с недельным жалованьем (минус девять пенсов) в сумочке, Виктория сидела на скамейке

в сквере Фиц-Джеймс-Гарденс, представляющем собою обсаженный чахлым кустарником треугольник с церковью в середине и большим магазином сбоку.

У Виктории была привычка, если только не шел дождь, купив себе в молочном баре один сэндвич с сыром и один – с помидором и листиком салата, съесть свой скромный обед здесь, как бы на лоне природы.

Сегодня, задумчиво жуя, она опять и опять ругала себя – могла бы, кажется, знать, что всему свое место и время и совсем не стоит передразнивать на работе жену начальника. Впредь надо научиться обуздывать свой темперамент и не скрашивать такими шуточками скучную работу. Ну, а пока, освободившись от «Гринхольца, Симмонса и Лидербеттера», Виктория с удовольствием предвкушала, как поступит на новое место. Она всегда обмирала от радости, в первый раз выходя на работу, – мало ли что там тебя ждет.

Она только что раздала последние хлебные крошки трем бдительным воробьям, которые тут же затеяли из-за них отчаянную драку, когда заметила, что на другом конце скамейки сидит невесть откуда взявшийся молодой человек. Собственно, она видела, что кто-то к ней подсел, но, поглощенная добродетельными намерениями на будущее, не обратила внимания. Зато теперь хоть и краешком глаза, но рассмотрела и

восхитилась. Парень был безумно хорош собой, кудри как у херувима, волевой подбородок и ярко-голубые глаза, и, кажется, он тоже украдкой вполне одобрительно поглядывал на нее.

Виктория вовсе не считала зазорным знакомиться с молодыми людьми в общественных местах. Как большой знаток человеческой природы, она не сомневалась, что легко даст своевременный отпор любой наглости с их стороны.

Так что она открыто улыбнулась, и херувим сразу отреагировал, словно марионетка, которую дернули за веревочку.

— Привет, — сказал он. — Славный здесь уголок. Ты часто сюда приходишь?

— Почти каждый день.

— А я вот в первый раз, надо же. Это весь твой обед был — два сэндвича?

— Да.

— По-моему, ты мало ешь. Я бы с такой кормежки умер от голода. Пошли поедим сосисок в закусочной на Тоттенхэм-Корт-роуд?

— Нет, спасибо. Я уже наелась. Сейчас больше не влезет.

Она втайне ожидала, что он скажет: «Тогда в другой раз». Но он не сказал. Только вздохнул. А потом представился:

– Меня Эдвард зовут. А тебя?

– Виктория.

– Твои предки называли тебя в честь железнодорожного вокзала?¹²

– Виктория – это не только вокзал, – возразила образованная мисс Джонс. – Есть еще и королева Виктория.¹³

– Д-да, верно. А фамилия?

– Джонс.

– Виктория Джонс, – повторил Эдвард, как бы пробуя на язык. И покачал головой: – Не сочетается.

– Правильно, – горячо подхватила Виктория. – Если бы, например, я была Дженни, получилось бы хорошо: Дженни Джонс. А для Виктории фамилия нужна пошикарнее. Скажем, Виктория Сэквилл-Уэст. В таком роде. Чтобы подольше во рту подержать.

– Можно подставить что-нибудь перед «Джонс», – с пониманием посоветовал Эдвард.

– Бедфорд-Джонс.

– Кэрисбрук-Джонс.

– Сент-Клер-Джонс.

– Лонсдейл-Джонс.

¹² *Виктория* – большой лондонский вокзал, соединяет столицу с портами на южном побережье Англии.

¹³ *Королева Виктория* (1819–1901) – королева Великобритании с 1837 года, последняя из Ганноверской династии.

Но тут этой приятной игре пришел конец, потому что Эдвард взглянул на часы и ужаснулся:

– Черт!.. Я должен мчаться к хозяину, чтоб ему!.. А ты?

– Я безработная. Меня сегодня утром уволили.

– Вот тебе раз. Очень жаль! – искренне огорчился Эдвард.

– Можешь меня не жалеть, я, например, несколько не жалею. Во-первых, я запросто устроюсь на другую работу. А во-вторых, это вышло очень забавно.

И Виктория, еще дольше задержав опаздывавшего Эдварда, с блеском воспроизвела перед ним всю давешнюю сцену, включая свою пародию на миссис Гринхольц, чем привела его в полнейший восторг.

– Ну, Виктория, ты просто чудо, – сказал он. – Тебе бы в театре выступать.

Виктория приняла заслуженную похвалу с улыбкой и напомнила Эдварду, что ему надо бежать со всех ног, иначе он тоже окажется без работы.

– Точно. А мне-то устроиться снова будет потруднее, чем тебе. Хорошо тому, кто стенографирует и печатает на машинке, – с завистью заключил Эдвард.

– Ну, честно сказать, я стенографирую и печатаю довольно неважно, – призналась Виктория. – Но сейчас даже самая никудышная машинистка легко найдет работу – на худой конец в сфере образования или

общественного признания, они там много платить не могут, вот и нанимают таких, как я. Мне больше нравится работа научная. Разные там ученые термины и фамилии, они такие заковыристые, их все равно никто не знает, как правильно писать, поэтому не так стыдно, если сделаешь ошибку. А ты где работаешь? Ты демобилизованный? Из авиации, да?

– Угадала.

– Военный летчик?

– Опять угадала. О нас, конечно, заботятся, работу подыскивают, и всякое такое, да только мы ведь не очень башковитая публика, нас не за то в пилоты зачисляли, верно? Определили меня в учреждение, а там бумажки, цифирь разная, ну, я и не выдержал, запросил пардону. Бестолковое какое-то занятие. Но все равно неприятно сознавать, что ты плохой работник.

Виктория понимающе кивнула. А Эдвард с горечью продолжал:

– Вот и остался не у дел. Выпал из обоймы. На войне-то хорошо было, там знаешь, чего от тебя требует солдатский долг, – я, например, медаль «За доблесть в авиации» заработал, – а вот теперь... похоже, надо ставить на себе крест.

– Но должно же быть что-то...

Виктория не договорила. У нее не нашлось слов,

чтобы выразить горячее убеждение в том, что талантам, которые увенчаны медалью «За доблесть в авиации», должно найтись применение и в мирном 1950 году.

— Сильно мне это поджилки подрезало, что вот я ни на что не гожусь, — со вздохом сказал Эдвард. — Ну, мне все-таки пора. Послушай... можно я... ты не будешь считать меня последним нахалом, если я...

Виктория, замирая и краснея, посмотрела на него в смятении, а он меж тем извлек на свет миниатюрный фотоаппарат.

— Я бы очень хотел снять тебя на память. Понимаешь, я завтра улетаю в Багдад.

— В Багдад! — разочарованно пискнула Виктория.

— Да. Теперь уж и сам не рад. А еще сегодня утром был на седьмом небе. Я для того и поступил на эту работу, чтобы уехать из страны.

— А что за работа?

— Да жуть какая-то. Культура — поэзия там разная, в таком духе. Под началом некоего доктора Ратбоуна. У него после фамилии еще хвостом буквы идут, целая строчка всяких званий, и пенсне на носу. Работает над подъемом духовности и насаждает ее по всему миру. Открывает книжные магазины на краю света, за этим и в Багдад летим. Всегда в продаже переводы

Шекспира¹⁴ и Мильтона¹⁵ на арабский, курдский, персидский, армянский и прочие языки. Глупо, по-моему, ведь этим же вроде занимается за границей Британский совет.¹⁶ Но вот так. И мне работка досталась, так что я не в претензии.

– А какие у тебя обязанности? – спросила Виктория.

– Да так, в сущности я просто у старика на подхвате, сумку ношу да подлаиваю. Покупка билетов, заказ мест в гостинице, заполнение бланков, присмотр за упаковкой поэтических хрестоматий, вообще беготня туда-сюда. Потом, когда мы прибудем на место, я должен браться с разной публикой – молодежное движение, знаешь? – нации и народы, объединяйтесь в борьбе за всеобщую духовность! – В голос Эдварда закрались тоскливые нотки. – Гадость, если честно сказать, правда?

Виктория ничего не смогла на это возразить.

– Ну, и вот, – сказал Эдвард, – ты... это... если только можно... я щелкну тебя? Один снимок в профиль,

¹⁴ *Шекспир Вильям* (1564–1616) – английский поэт и драматург. Крупнейший гуманист эпохи Возрождения.

¹⁵ *Мильтон Джон* (1608–1674) – английский поэт и политический деятель. Основные литературные произведения – «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», где, используя библейские сюжеты и образы, он отразил события английской революции XVII века.

¹⁶ *Британский совет* – правительственная организация по развитию культурных связей Великобритании с зарубежными странами.

и еще один... смотри прямо на меня... Чудно.

Фотоаппарат дважды цвиркнул. Виктория слегка разомлела от самодовольства, как это свойственно молодым представительницам прекрасного пола, когда они видят, что произвели впечатление на симпатичного мужчину.

– Досадно, что я должен теперь уезжать, когда познакомился с тобой, – вздохнул Эдвард. – Я даже думаю, может, отказаться? Но, наверно, сейчас уже нельзя, в последнюю минуту, когда все эти чертовы анкеты заполнены, визы получены... Нехорошо. Так не делают, верно?

– Еще, глядишь, и работа окажется не такая уж плохая, – утешила его Виктория.

– Кто ее знает, – с сомнением ответил Эдвард. – И что странно, скажу я тебе, у меня такое чувство, что там вроде бы не все ладно.

– Не все ладно?

– Ну да. Подозрительное что-то. А почему, не спрашивай. Не могу объяснить. Бывает такое, как бы шестое чувство. У меня один раз было – ну, беспокоит меня левое сопло, и все. Стал разбирать, а там тряпка в насосе застряла.

Технические подробности в его рассказе были ей недоступны, но идея понятна.

– Думаешь, он *не тот, за кого себя выдает*, твой

Ратбоун?

– Да нет, едва ли, с чего бы ему? Человек всеми уважаемый, ученый, член всяких там обществ, с архиепископами и ректорами университетов на короткой ноге. Нет, просто ощущение у меня такое... Ладно... Время покажет. Ну, пока. Жаль, что ты с нами не летишь.

– Мне тоже, – честно призналась Виктория.

– А ты что собираешься делать?

– Поеду в агентство по найму на Гауэр-стрит, поищу какое-нибудь место, – с тоской ответила Виктория.

– Прощай, Виктория. Партир, сэ мурир он пё,¹⁷ – добавил Эдвард с типично британским выговором. – Французы, они знают, что говорят. А наши англичане несут всякую чепуху про сладкую боль расставания,¹⁸ олухи.

– Прощай, Эдвард, удачи тебе.

– Ты обо мне небось и не вспомнишь никогда.

– Вспомню, – сказала Виктория.

– Ты совсем не похожа на других девушек, я таких не видел... Эх, если бы... – Но тут на часах отбило четверть, и Эдвард, пробормотав: «Черт. Надо бежать!» – торопливо зашагал прочь. Его поглотила огромная пасть Лондона. А Виктория осталась сидеть

¹⁷ Уехать – значит отчасти умереть (*искаж. фр.*)

¹⁸ Слова Ромео в сцене прощания с Джульеттой (акт II, сц. 2).

на скамейке, и мысли ее текли сразу по двум направлениям.

С одной стороны, она думала о Ромео и Джульетте. Она и Эдвард очутились, на ее взгляд, приблизительно в том же положении, что и знаменитая трагическая пара, разве что только те выражали свои чувства поэтичнее. А так – одно к одному. Встретились – с первого взгляда потянулись друг к другу, – но непреодолимые преграды – и два любящих сердца разлучены. Виктории вспомнился стишок, который любила приговаривать ее старая няня:

Говорил Алисе Джумбо: я в тебя влюблен.

А ему Алиса: ах ты, пустозвон!

Да если б ты взаправду всерьез меня любил,

Ты б тогда в Америку без меня не укатил!

Подставить вместо Америки Багдад – и как будто про нее написано!

Виктория встала со скамейки, отряхнула крошки с подола и, выйдя из сквера, деловито зашагала в сторону Гауэр-стрит. Она пришла к двум очевидным выводам. Во-первых, она (как Джульетта) влюбилась и должна добиться торжества своей любви.

А во-вторых, поскольку Эдвард уезжает в Багдад, ей ничего не остается, как отправиться туда же. С этим все ясно. Но теперь ее занимал вопрос: как осу-

щесвить принятое решение? Что в принципе это возможно, Виктория не сомневалась. Она была оптимистка и девица с характером.

«Сладкая боль расставания» устраивала ее не больше, чем Эдварда.

– Мне надо в Багдад, – сказала себе Виктория.

Глава 3

1

В отеле «Савой» мисс Анну Шееле как давнюю и уважаемую клиентку встретили с подобострастием: осведомились о здоровье мистера Моргенталья, выразили готовность немедленно сменить ее номер «люкс» на другой, если этот не вполне устраивает, – ведь Анна Шееле олицетворяла собой доллары.

Мисс Анна Шееле приняла ванну, привела себя в порядок, позвонила по кенсингтонскому¹⁹ номеру телефона и на лифте спустилась в холл. Пройдя через вращающуюся дверь на улицу, она попросила позвать такси. Шоферу было велено ехать в магазин «Картье»²⁰ на Бонд-стрит.²¹

Едва ее такси свернуло за угол на Стрэнд, как тще-

¹⁹ *Кенсингтон* – рабочий район Лондона на южном берегу реки Темзы.

²⁰ «*Картье*» – известный ювелирный магазин, расположенный на Бонд-стрит.

²¹ Бонд-стрит – одна из главных торговых улиц Лондона; известна фешенебельными магазинами, особенно ювелирными, и частными картинными галереями. На Бонд-стрит жил национальный герой Британской империи адмирал Нельсон (1758–1805).

душный смуглый господин, упоенно разглядывавший витрину, спохватился, взглянул на часы и поспешно сел в свободное такси, которое как раз тут же и подвернулось, а всего минуту назад проехало, будто со слепу, мимо взывавшей о помощи женщины с покупками.

Господин поехал по Стрэнду, не упуская из виду первое такси. Когда обе машины задержались у светофора на Трафальгар-сквер,²² он высунулся в оконце с левой стороны и слегка взмахнул рукой. Стоявшая в переулке у арки Адмиралтейства²³ частная автомашина сразу тронулась с места, влилась в поток уличного движения и пристроилась в хвост первому такси.

Дали зеленый свет. Машина Анны Шееле была в крайнем ряду и вместе со всем потоком свернула влево на Пэл-Мэл.²⁴ Такси со смуглым господином поехало направо, продолжая движение вокруг Трафаль-

²² *Трафальгар-сквер* – площадь в центральной части Лондона; одно из известнейших мест города; здесь проводятся различные митинги и демонстрации, на площади находится памятник адмиралу Нельсону; названа в память о победе английского флота в трафальгарском сражении.

²³ *Адмиралтейство* – здание в Лондоне, где до 1964 года находилось Адмиралтейство – Военно-морское министерство Великобритании.

²⁴ Пэл-Мэл – улица в центральной части Лондона, на которой расположены несколько известных клубов.

гар-сквер. А частник в сером «Стандарде» шел почти вплотную за Анной Шееле. В нем сидели двое: слегка рассеянного вида блондин за рулем и подле него нарядная молодая дама. Преследуя такси Анны Шееле, они проехали по Пикадилли,²⁵ свернули на Бонд-стрит. Здесь «Стандард» притормозил, нарядная дама выпорхнула на тротуар. Она любезно бросила через плечо: «Благодарю!» – и блондин в «Стандарде» тронулся дальше. А дама пошла по Бонд-стрит, то и дело заглядывая в витрины. На улице тем временем снова образовалась пробка. Так что, обогнав и «Стандард», и такси Анны Шееле, дама первой дошла до ювелирного магазина фирмы «Картье» и скользнула внутрь.

Анна Шееле расплатилась с таксистом и тоже вошла в магазин «Картье». Там она провела какое-то время, разглядывая украшения. В конце концов выбрала кольцо с сапфиром и бриллиантами. Выписала чек на один лондонский банк. Прочтя название банка, продавец и вовсе изогнулся от подбострастия.

– Счастлив видеть вас снова в Лондоне, мисс Шееле. Мистер Моргенталь тоже пожаловал?

– Нет.

– Я подумал, у нас есть один превосходный «звездный» сапфир – я знаю, он интересуется крупными сап-

²⁵ *Пикадилли* – одна из главных улиц в центральной части Лондона.

фирами. Может быть, вы согласитесь взглянуть?

Мисс Шееле выразила согласие, полюбовалась сапфиром и обещала непременно доложить о нем мистеру Моргенталю. После чего снова вышла из магазина на Бонд-стрит, и тогда нарядная молодая дама, разглядывавшая клипсы, пробормотав, что прямо не знает, на чем остановить выбор, тоже вышла следом за нею.

Серый «Стандард» к этому моменту сделал круг по Графтон-стрит и по Пикадилли и как раз снова оказался на Бонд-стрит. Но дама его даже не заметила.

Анна Шееле свернула под Аркаду и вошла в цветочный магазин. Заказала три дюжины роз на длинных стеблях, чашу крупных душистых фиалок, дюжину веток белой сирени и вазу мимозы. И дала адрес, куда доставить.

— Двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов, мадам.

Анна Шееле расплатилась и ушла. Посетительница, вошедшая следом за ней, только справилась о цене букета примул, но купить ничего не купила.

Анна Шееле перешла через улицу, свернула сначала на Берлингтон-стрит и еще раз – на Сэвил-роу.²⁶ Здесь она вошла в портняжное ателье, где шили, во-

²⁶ *Сэвил-роу* – улица в Лондоне, где расположены дорогие мужские ателье.

обще говоря, на мужчин, но в порядке исключения иногда снисходили до того, чтобы сшить костюм для особо привилегированных представительниц женского пола.

Мистер Болфорд приветствовал мисс Шееле с сердечностью, причитающейся самым дорогим заказчикам, и на обозрение были представлены разнообразные ткани для костюма.

— К счастью, я могу гарантировать вам экспортное исполнение. Вы когда едете обратно, мисс Шееле?

— Двадцать третьего.

— К этому сроку мы вполне успеем. Морем, надеюсь?

— Да.

— А как обстоят дела в Америке? У нас тут очень прискорбно, очень прискорбно. — Мистер Болфорд покачал головой, как врач у постели пациента. — Все, понимаете ли, делается без души. Люди разучились гордиться хорошей работой. Знаете, кто будет кроить ваш костюм, мисс Шееле? Мистер Лэнтвик. Ему семьдесят два года, но он у меня единственный, кому можно доверить раскрой для наших лучших заказчиков. Все же остальные...

Мистер Болфорд решительно отвел «остальных» своими пухлыми ручками.

— Качество! — продолжал он. — Вот чем славилась

эта страна. Качеством! Никакой дешевки, безвкусицы. Когда мы беремся за массовую продукцию, у нас не получается, что верно, то верно. На этом специализируется ваша страна, мисс Шееле. А наше дело, не устаю повторяться, – качество. Не жалеть времени, не жалеть труда и создавать такие изделия, которым во всем мире не сыскать равных. Так когда назначим первую примерку? Ровно через неделю? В одиннадцать тридцать? Благодарю вас.

Чуть не ошупью пробравшись в архаичном сумраке между штуками сукна, Анна Шееле снова вышла на свет божий, остановила такси и возвратилась в отель «Савой».²⁷ Другое такси, стоявшее на противоположной стороне улицы, уже занятое смуглым тщедушным пассажиром, двинулось следом, но к парадным дверям «Савоя» не свернуло, а объехало здание по Набережной и здесь подобрало коротконогую толстуху, вышедшую из служебного входа.

– Ну как, Луиза? Обыскала номер?

– Да. Ничего нет.

Анна Шееле пообедала в ресторане. Для нее был резервирован столик у окна. Метрдотель любовно справился о здоровье мистера Моргенталя.

Пообедав, Анна Шееле взяла у портье ключ и под-

²⁷ «Савой» – одна из самых фешенебельных лондонских гостиниц на улице Стрэнд.

нялась в свой номер «люкс». Постель была застлана, полотенца в ванной свежие, нигде ни пылинки. Анна подошла к двум легким чемоданам, составлявшим весь ее багаж. Один был заперт, другой нет. Она бросила взгляд на содержимое незапертого чемодана, потом достала ключик и отперла второй. Все аккуратно уложено, все на своих местах, ничего не сдвинуто, не потревожено. Поверх вещей – кожаный портфель. В нем – маленькая «лейка» и две кассеты с пленкой. Обе коробочки запечатанные, не вскрытые. Анна провела ногтем по крышке футляра, открыла фотоаппарат. И слегка усмехнулась. Почти невидимый светлый волос, который она там положила, исчез. Она ловко насыпала на блестящий кожаный бок портфеля белого порошка, сдула – кожа осталась блестящей и чистой. Ни одного отпечатка пальцев. А ведь она сегодня утром, после того как смазала брильянтином свои гладкие льняные волосы, бралась за портфель. На нем должны были остаться отпечатки пальцев, ее собственных.

Она усмехнулась еще раз.

«Хорошая работа, – пробормотала она про себя. – Но не слишком...»

Быстро уложив в сумку вещи для ночевки, она снова спустилась вниз, подозвала такси и дала водителю адрес: Элмсли-Гарденс, 17.

Это оказался маленький, довольно невзрачный домик в районе Кенсингтона. Анна заплатила таксисту и взбежала по ступенькам к облупленной парадной двери. Нажала кнопку звонка. Прошла минута, другая. Наконец дверь отперла пожилая женщина, у которой было настороженное выражение лица, тут же сменившееся приветливой улыбкой.

— То-то мисс Элси будет рада вас видеть. Она в кабинете. Только тем и держится, что вас ждет.

Анна быстро прошла по полутемному коридору в глубь дома и открыла одну из дверей. Комната была тесная, уютная, с большими старыми кожаными креслами. В одном из кресел сидела женщина. При появлении Анны она вскочила.

— Анна, родная.

— Элси.

Они нежно расцеловались.

— Все уже условлено, — сказала Элси. — Я ложусь сегодня. Будем надеяться, что...

— Спокойнее, Элси, — ответила ей Анна. — Все будет в полном порядке.

Тщедушный смуглый господин в макинтоше²⁸ вошел в будку телефона-автомата на станции метро «Кенсингтон – Хай-стрит» и набрал номер.

– Граммофонная фирма «Валгалла»?

– Да.

– Говорит Сэндерс.

– «Сэндерс, Начальник реки»?²⁹ А какой реки?

– Реки Тигр. Докладываю про А.Ш. Прибыла из Нью-Йорка сегодня утром. Отправилась к «Картье». Купила кольцо с сапфиром и бриллиантами на сумму сто двадцать фунтов. Посетила цветочный магазин Джейн Кент, покупка на двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов, цветы велела доставить в больницу на Портланд-Плейс.³⁰ У «Болфорда и Эйвори» заказала юбку и жакет. Ни одна из названных фирм в подозрительных связях не замечена, но в дальнейшем они будут находиться под пристальным наблю-

²⁸ *Макинтош* – пальто из непромокаемой ткани, названо по имени шотландского химика Макинтоша, нашедшего способ изготовления этих тканей.

²⁹ «Сэндерс, Начальник реки» – популярный приключенческий роман Эдгара Уоллеса (1875–1932).

³⁰ *Портланд-Плейс* – широкая улица в центральной части Лондона, на которой находятся здания некоторых посольств.

дением. Номер А.Ш. в «Савое» подвергнут тщательному осмотру. Ничего подозрительного не обнаружено. В портфеле, уложенном в чемодан, находятся документы, относящиеся к слиянию с фирмой Вольфенштейнов. Все подлинные. Фотоаппарат и две катушки пленки, по виду не использованной. На случай, если пленки содержали фотостатические материалы, они были заменены другими, но проверка показала, что это действительно неиспользованная фотопленка, и ничего больше. А.Ш. взяла небольшую сумку и поехала к сестре по адресу Элмсли-Гарденс, 17. Сестра сегодня вечером ложится на операцию в больницу на Портланд-Плейс. Подтверждено служащими в больнице, а также записями в книге хирурга. Приезд А.Ш. выглядит вполне естественным. Слежки не заметила, нервозности не выказала. Сегодня, по-видимому, ночует в больнице. Номер в «Савое» оставила за собой. Обратный билет на пароход до Нью-Йорка забронирован на двадцать третье число.

Человек, назвавшийся «Сэндерсом, Начальником реки», помолчал и добавил как бы в виде постскриптума, от себя:

– На мой взгляд, ничего тут нет, если хотите знать! Просто швыряется деньгами дамочка. Двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов за цветы! Надо же!

Глава 4

1

Жизнерадостный нрав Виктории наглядно сказался в том, что она не допускала даже и мысли о невыполнимости своего намерения. Что это еще за разговоры: «Разошлись, как в море корабли»? Обидно, конечно, что парень, который, честно признаться, ей здорово понравился, что этот парень, оказывается, как раз собрался уезжать за три тысячи миль³¹ отсюда. Ведь мог же просто в Абердин³² или в Брюссель. Или вообще в Бирмингем.³³ Но нет, в Багдад, видите ли. Везет же ей! Однако трудно или легко, а надо и ей ехать в Багдад, это ясно.

Виктория энергично шагала по Тотнем-Корт-роуд,³⁴

³¹ *Миля* – единица длины, применяющаяся главным образом в Великобритании, равная 1,609 км.

³² *Абердин* – город и порт в Великобритании (Шотландии) на Северном море.

³³ *Бирмингем* – город в Великобритании, административный центр графства Уэст-Мидлендс.

³⁴ Тотнем-Корт-роуд – улица в центральной части Лондона; известна своими магазинами радиотелевизионной и акустической аппаратуры.

на ходу обдумывая, как это сделать. Что там вообще-то в этом Багдаде? Эдвард сказал – культура. Что, если как-то разыграть эту карту? Юнеско?³⁵ Юнеско постоянно командировывает людей во все концы света, иногда в самые изумительные места. Но только не просто так абы кого, вынуждена была признать Виктория, а высокообразованных молодых женщин, которые успели обзавестись университетскими дипломами и вообще примазались к делу заблаговременно.

В конце концов, решив, что начинать надо с главного, она зашла в транспортное агентство и навела справки. Выяснилось, что доехать до Багдада проще простого. Можно самолетом, можно всю дорогу морем до Басры,³⁶ можно поездом до Марселя, оттуда на пароходе в Бейрут и через пустыню на автомобиле. Можно через Египет. А можно, если кому охота, вообще по железной дороге до самого места – только с визами теперь морока, бывает, пока получишь, ей уже срок истек. С деньгами тоже без проблем, так как Багдад находится в стерлинговой зоне.³⁷ Все просто.

³⁵ *Юнеско* – межправительственная специализированная организация ООН. Существует с 1946 года с целью содействия миру и международной безопасности путем развития сотрудничества между государствами в области просвещения, науки и культуры. Штаб-квартира находится в Париже.

³⁶ *Басра* – город и морской порт в Ираке.

³⁷ *Стерлинговая зона* – ряд стран, в которых наряду с националь-

С точки зрения агента. Короче говоря, если у тебя есть от шестидесяти до ста фунтов наличными, добраться до Багдада не составит труда.

Но поскольку у Виктории в настоящее время имелось три фунта десять шиллингов (без девяти пенсов) да плюс пять фунтов двенадцать шиллингов в сберегательном банке, о том, чтобы просто сесть и поехать в Багдад, не могло быть и речи.

Она на всякий случай поинтересовалась насчет места стюардессы на авиалинии, но оказалось, что на эту работу много желающих, надо записаться и ждать, пока дойдет очередь.

Затем Виктория посетила Бюро по трудоустройству при Святом Гилдрике, где деловая мисс Спенсер за рабочим столом приветствовала ее уже как старую знакомую:

— Бог ты мой, мисс Джонс! Опять без работы? Право, я надеялась, что уж последнее-то место...

— Совершенно неприемлемое, — заверила ее Виктория. — Если б вы только знали, с чем там девушке приходится мириться!..

Сладострастный румянец разлился по бледным щекам мисс Спенсер.

ной валютой имел хождение английский фунт стерлингов. Как правило, это либо бывшие колонии Великобритании, либо страны, находившиеся под ее протекторатом.

– Но не?.. – забормотала она. – Надеюсь от души, что не... Он показался мне совсем не таким мужчиной, но, правда, он немного грубоват... и я надеюсь...

– Ничего, ничего, – успокоила ее Виктория. И через силу мужественно улыбнулась. – Я умею постоять за себя.

– Да-да, конечно, но это так неприятно!

– Приятного мало, – подтвердила Виктория и опять изобразила мужественную улыбку. – И тем не менее...

Мисс Спенсер заглянула в свой гроссбух.

– У Святого Леонарда в Обществе поддержки матерей-одиночек нужна машинистка, – сказала она. – Правда, конечно, жалованье небольшое...

– А нет ли случайно, – деловито осведомилась Виктория, – какого-нибудь места в Багдаде?

– В Багдаде? – переспросила мисс Спенсер в полном недоумении.

Для нее это явно было все равно что попроситься на Камчатку или на Южный полюс.

– Да, я очень хочу в Багдад, – подтвердила Виктория.

– Право, не знаю... То есть секретарем-машинисткой?

– Не важно кем. Нянькой, поварихой. Или ухаживать за умалишенным. Все равно.

Мисс Спенсер покачала головой.

– Боюсь, что ничего не могу вам обещать. Была вчера дама с двумя девочками, так ей нужна спутница в Австралию.

Австралию Виктория отвергла. И встала.

– Вдруг вы что-нибудь услышите... Только проезд туда, больше мне ничего не надо. – И, удовлетворяя любопытство во взоре мисс Спенсер, с ходу выдала объяснение: – У меня там... м-м-м... родные. И я слышала, там легко устроиться на хорошую работу. Надо только как-то доехать.

«Да, – повторила самой себе Виктория, выйдя из Бюро по трудоустройству при Святом Гилдрике. – Надо как-то доехать».

А тут еще, к ее досаде, как всегда бывает, когда чем-то заняты мысли, все словно сговорились постоянно напоминать ей о Багдаде.

В вечерней газете, которую она купила, в маленькой заметке сообщалось, что известный археолог профессор Понсфут Джонс приступил к раскопкам древнего города Мурика, в ста двадцати милях от Багдада. А на другой странице – объявление о пароходной линии на Басру (а оттуда поездом до Багдада, Мосула³⁸ и далее). Когда она доставала чулки из комода, в газете, выстилавшей дно ящика, оказалось что-

³⁸ Мосул – город в Ираке на реке Тигр, административный центр.

то напечатано про учащуюся молодежь в Багдаде. В кинотеатре по соседству шел «Багдадский вор». А в витрине дорогого и ученого книжного магазина, на которую она всегда по пути бросала взгляд, была выставлена книга «Новое жизнеописание Харуна-ар-Рашида, Багдадского халифа».

Весь мир словно только и думал, что о Багдаде. А ведь еще сегодня, примерно до без четверти два, сама Виктория ни о каком Багдаде, можно сказать, знать ничего не знала и, уж конечно, не помышляла.

Виды на то, чтобы попасть в Багдад, были крайне неблагоприятные, но Виктория, конечно, отступить не собиралась. Она обладала деятельным умом и придерживалась оптимистического убеждения, что, если чего-то сильно захотеть, всегда найдется способ добиться цели.

Вечер ушел на составление списка возможных подходов. Он имел такой вид:

Сунуться в Министерство иностранных дел?

Опубликовать объявление?

Обратиться в Иракское представительство?

А что, если попробовать фирмы, торгующие фирменными?

Или пароходные компании?

Британский совет?

Информационное бюро Селфриджа?

«Гражданские консультации»?

Ни один вариант, увы, нельзя было признать обнадеживающим. И Виктория приписала еще одну строчку: *Как-нибудь исхитриться раздобыть сто фунтов?*

По причине титанического напряжения ума с вечера или из-за подсознательной радости, что не надо торопиться к девяти на работу, но факт таков, что утром Виктория проспала. Проснулась в пять минут одиннадцатого, сразу же выскочила из постели и бросилась одеваться. Когда она раздирала гребешком свои буйные кудри, раздался телефонный звонок.

Она протянула руку и подняла трубку.

Послышался безумно взволнованный голос мисс Спенсер:

– Слава богу, что застала вас, милочка. Потрясающее совпадение.

– Да-да? – нетерпеливо воскликнула Виктория.

– Говорю вам, просто удивительное совпадение. Некто миссис Гамильтон Клиппс должна через три дня ехать в Багдад, но сломала руку, ей нужен кто-то, чтобы помогать в дороге, я сразу же позвонила вам. Не знаю, может быть, конечно, она обратилась и в другие агентства...

– Уже еду, – сказала Виктория. – Куда это?

– В «Савой».

– И как, вы сказали, ее дурацкая фамилия? Трипс?

– Клиппс, милочка. Как клипсы, только через два

«п», уж не знаю почему. Правда, она американка, – добавила мисс Спенсер, словно этим все объяснялось.

– Миссис Клиппс. «Савой».

– Мистер и миссис Гамильтон Клиппс. Собственно, звонил муж.

– Вы ангел, – сказала Виктория. – До свидания.

Она второпях почистила на себе костюм, которому, мелькнула у нее мысль, не грех бы выглядеть хоть чуточку поприличнее, еще раз причесалась, чтобы волосы лежали по возможности гладко в согласии с образом заботливой сиделки и бывалой путешественницы. Потом достала рекомендательное письмо мистера Гринхольца, просмотрела еще раз и покачала головой.

Нет, тут требуется что-то более убедительное, сказала себе Виктория.

На автобусе № 19 она доехала до Грин-парка³⁹ и вошла в отель «Ритц».⁴⁰ Одного взгляда, брошенного через плечо дамы, читавшей в автобусе газету, Виктории оказалось достаточно. Она пересекла вести-

³⁹ Грин-парк – парк в центре Лондона, тянется вдоль улицы Пикадилли, известен со 2-й половины XVII века.

⁴⁰ «*Ritz*» – лондонская фешенебельная гостиница на улице Пикадилли. Основана швейцарцем С. Ритцом в 1906 году; название ее стало символом роскоши.

бюль, прошла в почтовый салон и написала себе на гербовой бумаге «Ритца» весьма похвальную характеристику от имени леди Синтии Брэдбери, которая, как сообщалось в газете, только что отбыла из Великобритании в Восточную Африку. «...*Незаменима во время болезни*, – не поскупилась на похвалу себе Виктория, – *и вообще весьма умелая во всех отношениях...*»

Затем, выйдя из «Ритца», она перешла на другую сторону, прошла по Албермаль-стрит до отеля «Болдертон», где, как известно, останавливаются высшие церковные иерархи и старые провинциальные барыни.

Здесь почерком помельче, с аккуратными греческими эпсилонами, Виктория написала себе рекомендацию от епископа Ллангоуского.

Снарядившись таким образом, она села в автобус № 9 и приехала в «Савой». Дежурному за стойкой сообщила, что она из Агентства Святого Гилдрика и ей нужна миссис Гамильтон Клиппс. Тот потянулся было к телефону, но взглянул куда-то за ее спину и сказал: – Вон мистер Гамильтон Клиппс.

Мистер Гамильтон Клиппс оказался необыкновенно долговязым и тощим американцем с седыми волосами, добрым выражением лица и медленной, раздельной манерой речи.

Виктория назвала ему свое имя и сослалась на Святого Гилдрика.

– Конечно, конечно, мисс Джонс, пойдемте скорее наверх к миссис Клиппс. Она еще в номере. По-моему, она как раз беседует с одной девушкой, но, возможно, та уже ушла.

Сердце Виктории охватил холодный ужас. Неужели теперь, когда цель так близка, все сорвется?

Они поднялись в лифте на четвертый этаж. Когда они шагали по коридору, выстланному мягкой ковровой дорожкой, вдруг открылась дверь одного номера, из нее вышла молодая женщина и двинулась им навстречу. У Виктории возникло фантастическое ощущение, что это идет она сама. Наверно, из-за костюма, сказала она себе, как раз вот в таком отлично сшитом костюме ей сейчас хотелось бы быть. «И размер бы мне подошел. Мы с ней одинаковые. Прямо хоть сдери с нее», – думала Виктория, впав в первобытное женское дикарство.

Молодая женщина прошла мимо. Бархатная шляпка, сильно сдвинутая набок, почти скрывала ее лицо, но мистер Гамильтон Клиппс все равно обернулся ей вслед и недоуменно пробормотал:

– Ну и ну! Кто бы мог подумать? Анна Шееле!

Виктории он объяснил:

– Простите меня, мисс Джонс. Я очень удивился,

так как узнал молодую особу, которую всего неделю назад видел в Нью-Йорке, она секретарь одного из наших крупнейших международных банкиров...

Говоря это, он остановился перед дверью. Ключ торчал в замке. Мистер Гамильтон Клиппс коротко постучал, открыл дверь и пропустил Викторию вперед.

Миссис Гамильтон Клиппс сидела у окна в кресле с высокой спинкой. При их появлении она вскочила. Это была остроглазая, маленькая женщина, похожая на птицу. Правая рука у нее была в гипсе.

Супруг представил ей Викторию.

— Такая неприятность! — чуть не всхлипывая, залепетала миссис Клиппс. — У нас уже все путешествие спланировано, расписано по дням, и в Лондоне мы так интересно проводили время, и билет мне уже куплен. Я, мисс Джонс, еду в Ирак в гости к замужней дочери. Мы не виделись почти два года. И надо же мне было упасть — понимаете, я оступилась на лестнице в Вестминстерском аббатстве⁴¹ — и вот пожалуй-ста. Меня тут же отвезли в больницу, кость вправили, наложили гипс, и ничего бы страшного. Но понимаете, я совсем беспомощна, и как в таком виде ехать, просто не представляю. А у Джорджа как раз совер-

⁴¹ *Вестминстерское аббатство* — особая королевская церковь в Лондоне, место коронации английских монархов, в ней похоронены многие выдающиеся люди.

шенно неотложные дела, ближайшие три недели, самое малое, он не может тронуться с места. Он предложил мне взять с собой медсестру для ухода, но дело в том, что там, когда я приеду на место, мне медсестра не понадобится, все необходимое может сделать моя Сэди, и, значит, пришлось бы оплатить сестре еще и обратную дорогу, вот я и решила, обзвоню агентства, может, кто-то захочет поехать со мной просто за билет в одну сторону.

— Я не то чтобы специалистка по уходу за больными, — сказала Виктория таким тоном, чтобы быть понятой в противоположном смысле. — Но опыт у меня есть. — Она достала рекомендации. — Я больше года была в услужении у леди Синтии Брэдбери. А если нужно заниматься перепиской и выполнять секретарские обязанности, то я несколько месяцев проработала дядиной секретаршей. Мой дядя — епископ Ллангоуский, — скромно пояснила она.

— О, так у вас дядя — епископ. Надо же, как интересно.

Виктория увидела, что произвела на супругов Гамильтон Клиппс большое впечатление. (Еще бы! Зря, что ли, она трудилась?)

Миссис Гамильтон Клиппс передала обе рекомендации мужу.

— По-моему, это просто чудо, — набожно произнесла

она. – Перст судьбы. Это Господь внял молитвам.

«Вот именно», – подумала про себя Виктория.

– Вас там ждет место, мисс Джонс, или вы едете к родным? – спросила миссис Гамильтон Клиппс.

Обеспечивая себя второпях рекомендательными письмами, Виктория упустила из виду, что нужно еще придумать, зачем ей понадобилось в Багдад. Теперь, застигнутая врасплох, она вынуждена была импровизировать на месте. Ей припомнилась заметка из вчерашней газеты.

– У меня там дядя, – объявила она. – Профессор Понсфут Джонс.

– Вот как? Археолог?

– Да. – У Виктории мелькнула на минуту мысль: мало одного знаменитого дяди, так еще и второй! – Я страшно интересуюсь его работой, но, конечно, у меня нет специального образования, поэтому не может быть и речи, чтобы экспедиция оплатила мне дорогу. Они и так стеснены в средствах. Но если мне удастся доехать своим ходом, то там я смогу к ним присоединиться и принять участие.

– Как интересно, – сказал мистер Гамильтон Клиппс. – Для археологов Месопотамия⁴² – золотое

⁴² *Месопотамия* – область в среднем и нижнем течении рек Тигр и Евфрат. Один из древнейших очагов цивилизации. На территории Месопотамии в 4–3 тысячелетиях до н. э. уже сформировалась государ-

дно.

– Мой дядя-епископ, к сожалению, сейчас в Шотландии, – извинилась Виктория перед миссис Гамильтон Клиппс. – Но я могу вам дать телефон его секретарши. Она в настоящее время находится в Лондоне. Пимлико восемь семьдесят шесть девяносто три, добавочный – Фулемский дворец.⁴³ Она там будет весь день, начиная с... (Виктория покосилась на каминные часы) с одиннадцати тридцати и до вечера, так что вы можете позвонить и справиться обо мне.

– Конечно, конечно... – начала было миссис Клиппс. Но муж перебил ее:

– У нас ведь времени в обрез. Твой самолет послезавтра. А у вас есть паспорт, мисс Джонс?

– Есть. – Слава богу, что в прошлом году она ездила на экскурсию во Францию и срок паспорта еще не вышел. – Я его на всякий случай захватила.

– Вот это по-деловому! – одобрил мистер Клиппс. Похоже, что другая кандидатка, если она поначалу и имела какие-то шансы, теперь сошла с дорожки. Виктория со своими рекомендациями, с двумя знаменитыми дядями и с паспортом наготове одержала над нею решительную победу.

ственность (Ур, Урук, Лагош и др.).

⁴³ *Фулемский дворец* – официальная резиденция епископа Лондонского.

– Нужно успеть получить все визы, – сказал мистер Клиппс, беря у нее паспорт. – Я поехал в «Американ-экспресс»⁴⁴ к нашему другу мистеру Берджону, он все устроит. Хорошо бы вы заглянули еще раз сегодня после обеда, поставите подписи где понадобится.

Виктория согласилась заглянуть еще раз.

Едва только дверь за ней закрылась, как за дверью раздался голос миссис Гамильтон Клиппс:

– Какая милая, искренняя девушка. Нам необыкновенно повезло.

У Виктории хватило совести покраснеть.

Она со всех ног бросилась домой и до вечера просидела у телефона, готовая отвечать изысканным тоном епископской секретарши, если миссис Клиппс все-таки вздумает навести о ней справки. Но, видно, под приятным впечатлением от ее искренности, миссис Клиппс решила не вдаваться в мелочи. В конце концов, Викторию нанимали только в качестве дорожной компаньонки и всего на каких-то несколько дней.

В свой срок все бумаги были заполнены и подписаны, визы получены, и Виктория последнюю ночь перед вылетом провела в «Савое», чтобы помочь миссис Клиппс к семи часам утра собраться, прибыть во-

⁴⁴ «Американ-экспресс» – английский филиал крупной американской туристической фирмы; имеет отделения во многих городах Великобритании.

время на городскую автостанцию и оттуда – в аэропорт Хитроу.⁴⁵

⁴⁵ *Хитроу* – крупнейший аэродром Великобритании. Расположен к западу от Лондона.

Глава 5

Лодка, два дня назад вышедшая в плавание из тростниковых болот, неспешно спускалась по Шат-эль-Арабу.⁴⁶ Течение было сильное, и старику-лодочнику почти не приходилось трудиться. Движения его были легки и ритмичны, глаза полузакрыты. Он едва слышно, почти шепотом, напевал заунывную арабскую песню.

Бессчетное множество раз спускался Абдул Сулейман из рода жителей болот по реке до Басры. В лодке с ним был еще один человек, чье обличье представляло собой обычную для нынешних времен грустную смесь черт западных и восточных. Поверх длинного полосатого балахона – старая армейская гимнастерка, грязная и изодранная. Концы линялого красного шарфа заправлены за пазуху. На голове – благородный арабский платок *кефийя* в черно-белую шашечку, придерживаемый черным шелковым обручем-агалом. Взгляд рассеянный, невидящий, устремлен вдаль поверх береговой дамбы. Временами этот человек подхватывал песню лодочника, принимался тянуть в унисон, не раскрывая рта. Обычная фигура,

⁴⁶ *Шат-эль-Араб* – общее русло Тигра и Евфрата в нижнем течении.

каких тысячи среди болот Месопотамии. И ничто не говорило о том, что он англичанин и везет с собой секретный груз, который влиятельные деятели чуть не всех стран мира стремятся перехватить и уничтожить, а заодно и его самого.

Мысль его дремотно перебирала события прошедших недель. Засада в горах. Ледяной холод на заснеженном перевале. Караван верблюдов. Четверо суток пешего хода через пустыню вместе с двумя бродячими кинодемонстраторами, таскающими с собой «волшебный ящик», в котором они показывают увеличенные фотоизображения. Несколько дней в черном шатре. Переходы с кочевниками племени унейза, его старыми друзьями. Трудности. Опасности. Раз за разом удавалось просачиваться сквозь сети, растянутые специально, чтобы выловить и остановить его.

«Генри Кармайкл. Английский агент. Возраст около тридцати. Волосы каштановые, глаза темные, рост пять футов⁴⁷ десять дюймов. Владеет арабским, курдским, персидским, армянским, хинди, турецким и многими горскими диалектами. Пользуется расположением кочевых племен. Опасен».

Кармайкл родился в Кашгаре,⁴⁸ где его отец был

⁴⁷ Фут – единица длины в системе английских мер, равная 0,3048 м.

⁴⁸ Кашгар – город в Западном Китае, на реке Кашгар, в центре большого оазиса у южного подножия Тянь-Шаня.

государственным служащим. Ребенком он уже лопотал на нескольких языках и диалектах – его няньки, а позднее слуги принадлежали ко многим различным племенам. У него были друзья во всех диких углах Среднего Востока.

Но в городах связи иногда подводили его. Теперь, приближаясь к Басре, он понимал, что настал критический этап его миссии. Предстояло снова очутиться в цивилизованной зоне. Конечной его целью был Багдад, но он рассудил, что туда лучше попасть кружным путем. Во всех населенных пунктах Ирака для него были заранее, за много месяцев, тщательно подготовлены явки. Какую из них он изберет, чтобы «вынырнуть», предоставлялось на его усмотрение. Руководящие инстанции не получали от него никаких вестей, даже косвенных. Так оно было вернее. Самый простой план возвращения – на самолете, ожидающем в условленном месте, – провалился, как он лично, впрочем, и ожидал. Условленное место оказалось известно его врагам. Утечка информации! Вечно эта убийственная, эта необъяснимая утечка!

Ощущение опасности росло. Он чувствовал кожей, что в Басре, в двух шагах от спасения, угроза будет больше, чем в самых отчаянных переплетах в пути. Проиграть теперь, на последнем витке, – он даже и мысли такой не мог допустить.

Размеренно работая веслами, старый араб пробор-мotal, не поворачивая головы:

– Приближается время, сын мой. Пусть Аллах дарует тебе благополучие.

– Не задерживайся в городе, отец. Возвращайся в болота. Я не хочу, чтобы ты пострадал.

– Это уж какова будет воля Аллаха. Все в его руках.

– Ин ша Алла, – повторил младший.

На мгновенье ему мучительно захотелось тоже быть сыном Востока. Чтобы не беспокоиться об успехе или провале, не просчитывать опять и опять возможности и варианты, не спрашивать себя: все ли продумано и предусмотрено? А положиться на Всеблагого, Всеведущего – авось, ин ша Алла, удастся исполнить задуманное.

Произнося эти слова, он уже удовлетворенно ощутил, как к нему в душу нисходят покой и покорность року, свойственные жителям здешних краев. Через несколько минут ему предстоит покинуть свое укрытие – лодку и выйти на улицы большого города, бросить вызов стерегущим глазам. Чтобы исполнить задуманное, нужно иметь не только облик, но и жизненное ощущение настоящего араба.

Лодка, скользя, свернула в поперечную протоку. Здесь стояли, причаленные, речные суденышки всевозможных видов, и подходили все новые и новые,

с возвышенными, изогнутыми носами, с блеклой, выцветшей краской на бортах, – зрелище прямо венецианское. Сотни таких местных гондол, одна подле другой.

Старик негромко произнес:

– Время пришло. Тебя здесь ждут?

– О да, у меня все подготовлено. Пришел срок нам расстаться.

– Да сделает Аллах ровными твои пути и да приумножит Он годы твоей жизни!

Кармайкл подобрал полосатый подол и зашагал вверх по скользким каменным ступеням.

Вокруг него шла обычная пристаньская жизнь. Сидели на корточках у лотков мальчишки – продавцы апельсинов. Сверкали на солнце липкие квадраты пряников и леденцы, развевались подвязанные к палкам сапожные шнурки, лежали мотки резинки, дешевые гребенки. Мимо задумчиво шествовали покупатели, смачно сплевывая под ноги и машинально пощелкивая четками. По противоположному тротуару, где размещались магазины и банки, торопились деловитые молодые эфенди⁴⁹ в европейских костюмах с фиолетовым отливом. Были среди них и европейцы, и англичане, и иностранцы. Никто не выказал ни ма-

⁴⁹ *Эфенди* – господин (вежливое обращение к мужчине в странах Ближнего и Среднего Востока).

лейшего интереса к тому, что еще один какой-то араб среди полусотни ему подобных вышел из лодки и поднялся на набережную.

Кармайлк шел не торопясь и осматриваясь вокруг с правдоподобным детским любопытством. По временам он, как все, отхаркивался в меру громко и сплевывал, чтобы не выделяться. И дважды высморкался с помощью пальцев.

Так под видом прибывшего в большой город жителя дикой глубинки он дошел до моста через канал, перешел на тот берег и спустился на базарную площадь.

Здесь все было шум и движение. Сын кочевников, бойко расталкивая других, устремился через площадь. В толпе пробирались нагруженные ослы, погонщики зычно орали: «Балек-балек!..» Вездесущие визгливые ребятишки затевали возню или бегали за европейцами и требовательно клянчили милостыню: «Бакшиш, мадам, бакшиш! Мескин-мескин!..»⁵⁰

Здесь равно выставлялись на продажу товары и Запада и Востока. Алюминиевые сковороды, кружки, миски и чайники, медная посуда с чеканным узором, серебряные изделия из Амары, дешевые наручные часы, эмалированные бидоны, персидские вышивки и пестрые коврики. Окованные медью сундуки из Кувейта, ношенные пиджаки и брюки и детские вязанные коф-

⁵⁰ Я бедный (араб.).

точки. Стеганные покрывала местной работы, разрисованные стеклянные лампы, горы глиняных кувшинов и горшков. Дешевая продукция цивилизованного мира вперемешку с изделиями местных промыслов.

Все нормально, все как обычно. После долгих странствий по диким местам шум и суета города были Кармайклу непривычны, но не было ничего такого, что не соответствовало бы ожиданиям: ни фальшивой ноты в общем хоре, ни подозрительного интереса к его персоне. И тем не менее чутьем человека, за которым уже не один год охотятся, он все сильнее и сильнее ощущал смутную тревогу, улавливал вокруг себя какую-то опасность. Ничего определенного. Никто на него не взглянул. Никто, он был почти на сто процентов уверен, не шел за ним, не держал его под наблюдением. И все-таки он хоть и смутно, но чувствовал угрозу.

Он свернул в темный проход между рядами, потом еще раз направо, потом налево. Здесь среди ларьков были ворота подворья. Он открыл калитку и очутился на широком дворе. Вокруг, по периметру, теснились лавчонки. Кармайкл направился к одной из них, где висели овчинные полушубки, какие носят на севере. Он стал их придирчиво перебирать и разглядывать. Хозяин в это время угощал кофеем статного бородастого покупателя в зеленой чалме – знак того, что он –

хаджи, то есть побывал в Мекке.

Кармайкл стоял рядом и щупал полушубок.

– Беш хаза? – спросил он.

– Семь динаров.⁵¹

– Дорого.

Хаджи спросил:

– Так ты доставишь ковры ко мне на подворье?

– Можешь не сомневаться, – ответил купец. – Ты уезжаешь завтра?

– Да, в Кербелу.⁵² Прямо с восходом солнца.

– Кербела – моя родина, – сказал Кармайкл. – Пятнадцать лет я не видел гробницу Хуссейна.

– Кербела – священный город, – кивнул хаджи.

Лавочник бросил Кармайклу через плечо:

– Там во внутреннем помещении есть полушубки подешевле.

– Мне нужен белый полушубок, северный.

– Есть у меня, вон в той комнате.

Лавочник указал на дверь в задней стене.

Все прошло по условленному сценарию – обычный разговор, какой можно услышать в любое время на

⁵¹ *Динар* – денежная единица некоторых стран, в том числе Ирака.

⁵² *Кербела* – город в Ираке в долине реки Евфрат, административный центр. Священный город у мусульман-шиитов, здесь находится мавзолей (с мечетью и медресе) внука пророка Мухаммеда – имама Хуссейна, а также мечеть-мавзолей дяди пророка – Аббаса.

любом базаре, – но в определенной последовательности были произнесены парольные слова: «Кербела» и «белый полушубок».

Только один раз, по пути в глубь лавки к задней двери, Кармайкл поднял голову и взглянул на лавочника – и сразу убедился, что это не тот человек, которого он ожидал увидеть. Он встречался с тем человеком лишь однажды, но память на лица у него была безошибочная. Сходство имелось, и заметное, но это был не он.

Кармайкл остановился. И спросил с легким недоумением:

– А где же Салах Гассан?

– Салах Гассан – это мой брат. Он умер три дня назад. Все его дела перешли ко мне.

Да, возможно, что это его брат. Сходство большое. И возможно, что брат тоже состоит на службе в департаменте. Все отзывы были правильные, это бесспорно. Но в полутемное заднее помещение Кармайкл вошел еще настороженнее. Здесь на полках тоже лежали товары – кофейники, сахарные щипцы из меди и бронзы, старинное персидское серебро, вороха вышивок, сложенные бурнусы, эмалированные дамаскские подносы, кофейные сервизы.

Белый полушубок, аккуратно свернутый, лежал отдельно, на низком столике. Кармайкл подошел, под-

нял его. Снизу была сложена европейская одежда – слегка поношенный, но модный деловой костюм. В нагрудном кармане пиджака – бумажник с документами и деньгами. В лавку вошел неизвестный араб. А выйдет и отправится на заранее назначенные деловые свидания некий мистер Уолтер Вильямсе, служащий фирмы «Кросс и К°, импортеры и пароходные агенты». Существовал на свете и настоящий мистер Уолтер Вильямсе, тут все надежно, – респектабельный и заслуженный бизнесмен. Со вздохом облегчения Кармайкл начал расстегивать свою драную армейскую гимнастерку. Все в порядке.

Если бы оружием был избран револьвер, это было бы концом миссии Кармайкла. Но у ножа есть свои преимущества, в первую голову – бесшумность.

На полке перед глазами Кармайкла стоял большой пузатый медный кофейник, этот кофейник был недавно начищен до блеска по заказу одного американского туриста, который должен был за ним зайти. Сверкнувший нож отразился в его выпуклой блестящей поверхности – отразилась вся картина, искаженная, но достаточно четкая. Человек, выскользнувший из-за занавески у Кармайкла за спиной; длинный кривой нож, который он только что достал из-под полы. Еще миг – и этот нож вонзился бы Кармайклу в спину.

Кармайкл резко обернулся. Одним молниеносным

ударом снизу уложил подкравшегося человека. Нож перелетел через всю комнату. Кармайкл сразу же выпрямился, переступил через лежащего, пробежал через торговое помещение – мелькнуло злобно-изумленное лицо лавочника и недоумевающая физиономия важного хаджи. И вот он уже снова на людной базарной площади, праздно расхаживает взад-вперед, ибо в этой стране спешить – значит выделяться среди толпы.

Бродя как бы бесцельно по площади, останавливаясь, чтобы рассмотреть какую-нибудь ткань, потерев, пощупать, он на самом деле лихорадочно, с бешеной быстротой обдумывал ситуацию. Вся постройка рухнула! Он снова один в чужой стране. Но не только в этом дело.

Мало того, с горечью сознавал он, что опасность грозила от врагов, идущих по его следу. И от врагов, преграждавших выходы в цивилизованный мир. Но враги были и в недрах самой системы. Ведь пароли оказались известны. И отзывы прозвучали точно и своевременно. Нападение было рассчитано на тот самый момент, когда он должен был увериться, что все в порядке, и расслабиться. Впрочем, наверно, ничего удивительного в том, что внутри оказалась измена. Целью противника всегда было внедрить в систему своих людей. Или подкупить нужного человека. Ку-

пить человека вообще гораздо проще, чем кажется. Можно ведь покупать не только на деньги.

Но, как бы то ни было, ситуация ясна. Он снова в бегах – и предоставлен самому себе. Без денег, без новой легенды, и наружность его известна противнику. Возможно, в эту самую минуту за ним ведется наблюдение.

Он не оглядывался. Какой прок? Те, кто за ним следит, свое дело знают.

Он продолжал бесцельно прогуливаться по базару, а сам мысленно перебирал имеющиеся возможности. Наконец он оставил базарную площадь, неспешно перешел по мостику через канал и зашагал по улице. Вот показалось высокое крашеное крыльцо. И вывеска: «Британское консульство».

Кармайкл посмотрел вдоль улицы – вперед, потом назад. Как будто бы никто им не интересуется. Казалось бы, напрашивается самое простое: переступил порог, и ты в Британском консульстве. У него мелькнула мысль о мышеловке, об открытой мышеловке с завлекательной приманкой – кусочком сыра. Тоже, казалось бы, на мышиный взгляд, чего проще...

И все-таки надо рискнуть. Другого решения, по-видимому, нет.

И он вошел.

Глава 6

Ричард Бейкер сидел под дверью в консульской приемной и ждал, пока консул освободится.

Он прибыл в Басру утром на «Царице индийской» и успел пройти таможенный досмотр. Багаж его состоял почти исключительно из книг. Рубашки и пижамы были добавлены к ним в последний момент.

«Царица индийская» пришвартовалась точно по расписанию, и у Ричарда образовался запас времени, так как он рассчитывал на два дня опоздания, эти небольшие торговые пароходы часто задерживаются с прибытием, теперь же в его распоряжении было два свободных дня, прежде чем ехать в Багдад, а оттуда к месту назначения – Тель-Асваду, где велись раскопки древнего города Мурика.

На что употребить эти два дня, Ричард уже решил. В Кувейте, неподалеку от моря, есть одно городище, говорят, очень любопытное. Оно давно его интересовало, и вот теперь судьба подарила возможность его обследовать.

Ричард приехал в гостиницу при аэропорте и навел справки, как попасть в Кувейт. Оказалось, что самолет туда летит завтра в десять утра, и на следующий день можно с ним вернуться обратно. Так что все склады-

валось удачно. Понадобятся, правда, обычные документы – выездная виза, кувейтская въездная виза. За ними надо обратиться в Британское консульство. С генеральным консулом в Басре, мистером Клейтоном, Ричард познакомился несколько лет назад в Персии. Очень даже приятно будет теперь возобновить знакомство.

Подъездов в консульстве было несколько. Главные ворота для автомобилей. Небольшая калитка, открывающаяся из сада на дорогу, идущую вдоль Шатэль-Араба. И официальный вход – с главной улицы. Ричард вошел, предъявил свои бумаги дежурному, услышал от него, что генеральный консул в настоящее время занят, но скоро освободится, и был препровожден в комнату ожидания слева по коридору, пронизывающему здание насквозь, от входа до задних дверей в сад.

В комнате ожидания уже находилось несколько человек. Но Ричард на них даже не посмотрел. Люди его мало интересовали. Древний глиняный черепок – это другое дело. А то просто какой-то человек, рожденный где-то в XX веке от Рождества Христова.

Он погрузился в приятные думы о письменах Мамари⁵³ и о передвижениях племен Вениаминова коле-

⁵³ *Маари* – тель (холм из остатков древних строений) на правом берегу реки Евфрат близ сирийско-иракской границы, является наиболее

на⁵⁴ в 1750 году до нашей эры.

Трудно сказать, что именно побудило его вернуться в настоящее и обратить внимание на окружающих его людей. Какое-то ощущение дискомфорта, напряженности. Притом дошедшее до его сознания, кажется, – хотя утверждать он бы не мог, – через нос. Нечто, не поддающееся четкой формулировке, но реальное, и это нечто напомнило ему времена незадолго до окончания войны. В особенности один эпизод, когда он и еще двое были сброшены на парашютах в тыл и ждали рассвета, чтобы приступить к выполнению задания. То была минута, когда падаешь духом, когда отчетливо осознаешь весь риск, и охватывает ужас, что опозоришься, не справишься, – когда мороз по коже. В то утро тоже ощущался в воздухе тот же еле уловимый, едкий запах.

Запах *страха*...

Он не сразу это понял. Одна половина его сознания все еще упорно держалась за то, что происходило до нашей эры. Но воздействие настоящего было слиш-

сохранившимся памятником в Месопотамии. При раскопках было обнаружено 25 000 клинописных табличек, содержащих ценные сведения о политической жизни XVIII века до н. э., а также описание административной и экономической структуры царства.

⁵⁴ Согласно Библии (Быт. XXXV, 18; I Цар. IX, 25, Суд. V, 14 и др.) – передвижения потомков Вениамина, младшего сына Якова от Рахили, образовавших с потомками Иуды царство Иудейское.

ком ощутимо.

Кто-то в этой небольшой комнате испытывал смертельный страх...

Ричард осмотрелся вокруг. Какой-то араб в драной армейской гимнастерке лениво перебирал янтарные шарики четок. Грузный седоусый англичанин, по виду – коммивояжер, с важным и самозабвенным выражением лица, что-то записывал в книжечку. Изможденный, очень смуглый человек устало и равнодушно откинулся на спинку стула. Еще один, вернее всего местный служащий. И пожилой перс в просторных белых одеждах. Сидят спокойно, безучастно.

В щелканье янтарных четок был какой-то правильный ритм. И даже как будто бы знакомый. Ричард стряхнул сонную одурь, прислушался. Точка, тире – тире – точка. Ну конечно, морзянка! Совершенно точно! Азбуку Морзе он знал – в минувшей войне ему нередко приходилось исполнять обязанности радиста. И теперь он без труда разобрал: Сова *Floreat Etona*. Что за чертовщина? Да, вот опять: *Floreat Etona*.⁵⁵ Латинский девиз выпускников Итонской школы,⁵⁶ отстукиваемый ободраным арабом! А это еще

⁵⁵ Да процветает Итон (лат.).

⁵⁶ *Итон* – престижная мужская привилегированная средняя школа в городе Итоне; учащиеся – в основном дети аристократических семей; почти все премьер-министры Великобритании выходцы из этой школы.

что? «Сова. Итон. Сова».

Сова было прозвище Ричарда в Итоне, он уже тогда носил необыкновенно большие и толстые очки.

Он присмотрелся к арабу. Полосатый балахон – старая армейская гимнастерка, темно-красный вязаный шарф – весь в дырах – спущены петли. Таких на пристаньском базаре встречаются сотни. И взгляд пустой, ничего не выражает. Только четки отстукивают: *Я Факир. Приготовься. Нужна помощь.*

Факир? Ах, Факир! Ну, конечно! Факир Кармаикл! Мальчик, который то ли родился, то ли жил где-то на краю света. В Средней Азии, помнится? Или в Афганистане?

Ричард достал трубку. Попробовал продуть – заглянул в чашечку – и принялся выбивать ее о пепельницу на столике. *Принято.*

Все дальнейшее произошло молниеносно. Ричард даже не смог толком сообразить, что и как было.

Араб в драной гимнастерке встал и пошел к двери. Проходя мимо Ричарда, он споткнулся и, выбросив руку, ухватился за него, чтобы не упасть. Устоял, выпрямился, извинился и сделал еще один шаг к двери. Дальше было совсем удивительно, на взгляд Ричарда – скорее как в кино, чем в реальной жизни. Толстый коммивояжер уронил записную книжку и принялся вы-

таскивать что-то из кармана. Но из-за своей толщины и облегающего покроя пиджака промешкал секунду или две, и Ричард успел выбить у него из руки револьвер. При этом раздался выстрел. Пуля зарылась в пол.

Араб, очутившись в коридоре, бросился было к консульской двери, но вдруг остановился, повернул, выбежал через административный вход и затесался в уличную толпу.

К Ричарду, все еще державшему толстого англичанина, подбежал вахтер. Местный чиновник вскочил и прямо запрыгал от возбуждения, смуглый и тощий вытаращил глаза, а перс остался сидеть, бесчувственно уставя взор в пространство.

Ричард сказал:

— Какого черта вы вздумали тут бабахать из револьвера?

Толстяк на минуту замялся, а затем жалобно, некультурно запричитал:

— Виноват, старина. Случайно вышло. По неловкости.

— Вздор. Вы хотели подстрелить того араба, что сейчас выбежал.

— Да нет же, старина. Не подстрелить. А только припугнуть. Вдруг признал в нем плута, который всучил мне поддельный антиквариат. Просто шутка такая.

Ричард Бейкер, человек тонкой душевной организации, терпеть не мог всякого рода сцены. Он чувствовал, что лучше всего будет удовлетвориться предложенным объяснением. В конце концов, что он может доказать? Да и поблагодарит ли его Факир Кармаикл, если он устроит скандал? Надо полагать, раз он занимается всякими таинственными делами с переодеваниями, шум не в его интересах. Ричард разжал пальцы и выпустил руку толстяка. Он заметил, что тот весь взмок от пота.

Страж был вне себя от негодования. Ну как же можно проносить в консульство огнестрельное оружие? Это запрещено. Консул будет сердиться.

— Приношу извинения, — сказал толстяк. — Случайность вышла. Только и всего.

Он попытался сунуть вахтеру деньги, но тот с негодованием отвел его руку.

— Я, пожалуй, лучше уйду от греха, — сказал толстяк. — Бог с ним, с консулом. Не буду его дожидаться. — И протянул Ричарду визитную карточку: — Это вот я. Остановился в гостинице аэропорта, если кому понадобится. Только, говорю вам, это все вышло чисто случайно. Пошутить хотел, вы меня понимаете?

Ричард неохотно посторонился, и тот, натужно хохорясь, вышел на улицу.

«Будем надеяться, что я действовал правильно», —

сказал себе Ричард. Хотя трудно понять, как правильно, а как неправильно, когда ты ни во что не посвящен.

– Мистер Клейтон уже освободился! – объявил слушатель.

Ричард пошел вслед за ним по коридору. В дальнем конце коридора стало больше света: дверь в консульский кабинет была открыта.

Консул сидел за письменным столом. Это был сдержанный седой джентльмен с внимательным выражением лица.

– Не знаю, вспомните ли вы меня, – сказал Ричард. – Мы встречались в Тегеране два года назад.

– Как же, как же. Вы у нас были с профессором Понсфутом Джонсом, верно? Теперь опять к нему?

– Да. Я еду в его экспедицию, но у меня есть несколько дней, и хотелось бы попасть в Кувейт. Это несложно, надеюсь?

– Нисколько. Завтра утром туда летит самолет. Лёту всего не более полутора часов. Я телеграфирую Арчи Гонту, тамошнему резиденту. Он вас разместит у себя. А на сегодняшнюю ночь вы остановитесь у нас.

Ричард стал отнекиваться, хотя и не слишком рьяно.

– Право, не хотелось бы затруднять вас и миссис Клейтон. Я бы мог поехать в гостиницу...

– Аэропортовская переполнена. А мы вам очень ра-

ды. Жена, я знаю, будет счастлива встретиться со старым знакомым. У нас сейчас гостят – дайте сообразить – Кросби из нефтяной компании и один молодой сотрудник доктора Ратбоуна, он здесь хлопочет о получении с таможни ящиков с книгами. Пойдемте поднимемся к Розе.

Он встал и повел Ричарда по коридору в залитый солнцем сад, откуда по наружной лестнице поднимались в жилое помещение консульства.

Наверху Джеральд Клейтон открыл металлическую решетчатую дверь и пригласил гостя в широкий полутемный коридор, устланный нарядными ковриками и обставленный красивой мебелью вдоль стен. Прямо с солнца попасть в этот прохладный полумрак было особенно приятно.

Клейтон позвал: «Роза, Роза!» – и из дальней двери им навстречу вышла миссис Клейтон. Она была такой же, как Ричард ее запомнил: цветущая, энергичная женщина.

– Помнишь Ричарда Бейкера, дорогая? Он приезжал к нам в Тегеран с профессором Понсфуттом Джонсом.

– Ну как же, – ответствовала миссис Клейтон, обмениваясь с ним рукопожатием. – Мы еще вместе ездили на базар, и вы купили очень милые половички.

Главное увлечение миссис Клейтон состояло в том,

чтобы делать покупки на местных базарах, если не для себя, то хотя бы ассистируя друзьям и знакомым. Она превосходно разбиралась в ценах и как никто умела торговаться.

– Да, весьма удачное приобретение, – подтвердил Ричард. – И только благодаря вам.

– Бейкер хочет завтра лететь в Кувейт, – объяснил жене Джеральд Клейтон. – Я сказал, что сегодня он может переночевать у нас.

– Но если это сложно... – начал было Ричард.

– Нисколько не сложно, – сказала миссис Клейтон. – Лучшая комната для гостей вам, правда, не достанется, потому что в ней живет капитан Кросби, но вы будете устроены вполне удобно. Не хотите купить прекрасный кувейтский сундук? На базаре сегодня выставлены на продажу отличные сундуки. Джеральд говорит, чтобы я больше не покупала, хотя он нам здесь очень бы пригодился – одеяла хранить.

– У тебя уже есть три, дорогая, – мягко возразил Клейтон. – А теперь прошу меня извинить, Бейкер. Меня ждут дела службы. Там, в комнате ожидания, произошла сегодня какая-то потасовка, мне докладывали. Чуть ли не со стрельбой.

– Это, конечно, кто-то из здешних шейхов, – сказала миссис Клейтон. – Они все такие вспыльчивые и обожают стрелять.

– Напротив, – покачал головой Ричард. – Стрелял англичанин. Хотел, насколько я понял, вклепить пулю в одного араба. – И прозаично добавил: – Я толкнул его под руку.

– Ах, так вы принимали непосредственное участие? Я не знал. – Клейтон достал визитную карточку и прочел: – «Роберт Холл, Энфилдские заводы «Ахиллес». По какому поводу он желал меня видеть, понятия не имею. А он не пьян был?

– Он сказал, что хотел пошутить, – сухо пояснил Ричард. – А револьвер случайно выстрелил.

Клейтон вздернул брови.

– Коммивояжер с заряженным револьвером в кармане? – удивленно произнес он.

«А он, оказывается, не дурак», – подумал Ричард.

– Наверно, мне не надо было его отпускать?

– В таких делах трудно бывает сообразить, как надо, а как не надо. Этот араб, в которого он стрелял, не ранен?

– Нет.

– Ну и правильно в таком случае, что вы не стали поднимать шум.

– Хотелось бы знать, что за этим стояло?

– Да, да... Мне тоже.

Вид у Клейтона был слегка растерянный.

– Ну, мне пора, – сказал он и второпях вышел.

Миссис Клейтон отвела Ричарда в гостиную, просторную комнату с зелеными драпировками и такими же диванными подушками, и предложила на выбор кофе или пиво. Он выбрал пиво, и оно тут же появилось, восхитительно охлажденное.

Она спросила, зачем ему в Кувейт. Он объяснил. Она спросила, почему он до сих пор не женат. Он ответил, что едва ли принадлежит к тем мужчинам, которые женятся, а миссис Клейтон на это решительно сказала: «Глупости». Из археологов, по ее мнению, получаются превосходные мужья. Она поинтересовалась: будут ли в этом году на раскопках женщины? Да, ответил он, ожидаются одна или две девицы. И конечно, миссис Понсфут Джонс. А что за девицы, воодушевилась миссис Клейтон, приличные? Но Ричард не знал, он же их еще не видел. Совершенно неопытные — вот все, что ему о них известно.

Миссис Клейтон его ответ почему-то рассмешил.

Тут вошел бойкий коренастый господин и был представлен Ричарду как капитан Кросби. А мистер Бейкер, сообщила ему миссис Клейтон, археолог, он выкапывает из земли удивительнейшие вещи возрастом в тысячи лет. Капитан Кросби, по его собственному признанию, никогда не мог понять, каким образом археологи так точно определяют возраст своих находок. И про себя считал, что, наверно, они просто-напро-

сто беззастенчиво врут, ха-ха-ха! Ричард посмотрел на капитана Кросби с тоской. Нет, правда, не отступался капитан Кросби, откуда они знают возраст предмета, который нашли? Ричард ответил, что слишком долго объяснять, и миссис Клейтон поспешила увести его смотреть отведенную ему комнату.

— Он очень славный, — завершила она Ричарда по пути. — Но... вы меня понимаете, о культуре ни малейшего представления.

Комната оказалась очень приятная, и уважение Ричарда к хозяйке дома еще возросло.

Он сунул руку в карман и, к своему удивлению, вытащил какой-то грязный сложенный листок бумаги. Он точно знал, что с утра у него в кармане ничего не было. Ему тут же вспомнилось, как араб в приемной споткнулся и схватился за него. Проворные пальцы могли за это мгновение незаметно сунуть ему в карман бумажку.

Развернул. Бумажка была нечистая и перетертая на сгибах. Видно было, что ее не раз разворачивали и снова складывали.

В шести строках не слишком аккуратным почерком было написано, что майор Джон Уилберфорс аттестует некоего Ахмеда Мухаммеда как трудолюбивого, старательного работника, умеющего водить грузовик и производить мелкий ремонт и вдобавок безукориз-

ненно честного – обычное письмо-рекомендация, какие дают при расчете на Востоке. Дата – полуторагодовой давности, что тоже обычно для Востока, где такие рекомендации хранят и постоянно носят при себе.

Нахмутив лоб, Ричард постарался со свойственной ему тщательностью восстановить в памяти утренний эпизод.

Факиру Кармайклу – в том, что это был он, Ричард не сомневался – грозила жестокая опасность. Он пришел в консульство – зачем? Чтобы спастись от преследования? Но вместо спасения столкнулся с еще большей опасностью. Там его ждал враг или подручный врага. Толстый коммивояжер, по-видимому, имел самые определенные инструкции, иначе как бы он отважился стрелять в Кармайкла прямо в консульстве на глазах у нескольких свидетелей? Значит, толстяк готов был на все. Кармайкл узнал однокашника, просил о помощи и исхитрился незаметно передать ему эту, казалось бы, совершенно невинную бумажку. Отсюда следует, что бумажка эта очень важная, и, если враги все же настигнут Кармайкла и при нем ее не обнаружат, они, безусловно, сопоставят факты и сообщат, кому он мог ее передать. А раз так, то что он, Ричард Бейкер, должен с этой бумагой делать?

Можно вручить ее Клейтону как представителю правительства его британского величества.

А можно оставить у себя до того времени, пока Кармайкл не явится за ней лично.

После нескольких минут размышления он избрал второе.

Но прежде всего следовало принять меры предосторожности.

Оторвав неисписанную половинку от старого письма, он начертал на ней те же шесть рекомендательных строчек о достоинствах некоего водителя грузовика – почти в тех же выражениях, но все-таки не совсем, на случай если это был шифр, – хотя могла быть там и надпись симпатическими чернилами.

Свое сочинение он слегка испачкал о подошвы башмаков, помял в ладонях, сложил, расправил, опять сложил – и так до тех пор, пока бумага не приобрела вид заслуженный и грязный. Тогда он ее скомкал и сунул в карман. Оригинал же, повертев в руках и поразмыслив, тщательно сложил в плотный бумажный кирпичик, обернул уголком клеенки, отрезанным от мешочка для ванн принадлежностей, и, достав из полевой сумки пластилин, обмазал слоем пластилина, размял, ровно обкатал и аккуратно снял на него слепок с цилиндрической печати, которая у него нашлась при себе.

Он поглядел на результат своих трудов с сумрачным удовлетворением.

На пластилиновом валике отчетливо отпечаталось изображение солнечного бога Шамаша с Мечом Правосудия в руке.

– Будем считать, что это добрый знак, – сказал себе Ричард Бейкер.

Вечером в кармане пиджака, который он сменил к обеду, помятой бумажки уже не было.

Глава 7

«Живем! – думала Виктория. – Живем, братцы!» Она сидела на городском аэровокзале, и вот наконец настал волшебный миг, когда по радио объявили: «Пассажиров, направляющихся в Каир, Багдад и Тегеран, просят занять места в автобусе».

Волшебные слова, волшебные названия. Конечно, для миссис Клиппс, которая, видно, всю жизнь только и делала, что перескакивала с корабля на самолет и с самолета на поезд с краткими привалами в шикарных отелях, они, может, и не представляют ничего особенного, но для Виктории это просто чудо! Что она слышала в жизни? «Диктую, записывайте, мисс Джонс», или: «В этом письме масса ошибок, пожалуйста, перепечатайте, мисс Джонс», или: «Чайник вскипел, милочка, заварите чай», или: «Сказать, где лучше всего делают шестимесячную?». Унылая, набившая оскомину проза. А тут – Каир, Багдад, Тегеран! Романтика Востока! (И Эдвард в конце пути.)

Виктория опустилась с небес на землю и услышала, как ее нанимательница, которая, оказывается, страдает болезненным словесным недержанием, завершает очередной монолог:

– ...и плохо моют, представляете? Я всегда очень

осторожна с тем, что приходится есть. Грязь на улицах и на базарах просто немыслимая. И это тряпье, что они там носят! Нарушение всех норм гигиены. А туалеты!.. Их и туалетами-то не назовешь!

Виктория исправно выслушивала ее стенания, но у самой у нее на душе было по-прежнему светло и празднично. Какое дело молодым до микробов и грязи? Приехали в Хитроу. Виктория помогла миссис Клиппс выйти из автобуса. Паспорта, билеты, деньги – все это уже было в ее ведении.

– Ах, – приговаривала миссис Клиппс, – как хорошо, что вы со мной, мисс Джонс! Просто не представляю, что бы я в дороге без вас делала!

Виктория нашла, что путешествие на самолете мало чем отличается от школьной автобусной экскурсии, где каждым твоим шагом заботливо, но твердо распоряжаются учителя. Самолетные стюардессы в аккуратной униформе, совсем как воспитательницы в классах для умственно отсталых детей, терпеливо и наглядно объясняли пассажирам, что в каких случаях следует делать. Того и гляди, услышишь от них: «А теперь, дети...»

Утомленные молодые мужчины за стойками скучливо протягивали руки за паспортами, задавали личные вопросы о деньгах и драгоценностях и вообще лезли в душу, будто ты перед ними провинилась. Вик-

торию, от природы легко внушаемую, так и подмывало вписать в декларацию свою единственную бедную брошку как бриллиантовую диадему стоимостью в десять тысяч фунтов, то-то скучливый молодой человек глаза бы на нее вытаращил. Но она вспомнила про Эдварда и сдержалась.

Пройдя через все барьеры, они опять уселись ждать в зале, на этот раз открывающемся прямо на летное поле. Снаружи, воя, разгонял моторы стоящий наготове самолет. Миссис Клиппс упоенно обсуждала своих будущих спутников:

– Смотрите на тех двух детишек, ведь правда прелесть? Ну нет слов! Но ехать одной с двумя детьми – это же так хлопотно! Англичане, я думаю. Костюм на матери сидит бесподобно. А лицо утомленное, еще бы! Красивый мужчина, вон тот, на испанца похож, верно? Смотрите, какая пестрая клетка на том господине, безвкусица, по-моему. Бизнесмен, надо полагать. Этот вот, что в углу, голландец, он проходил контроль перед нами. Вон то семейство – либо турки, либо персы. Американцев я не вижу ни одного. Они, должно быть, летают больше на «Панамерикен».⁵⁷ А вон те трое, что разговаривают, я бы сказала – нефтепромышленники, как по-вашему? Обожаю угадывать по виду, кто есть кто. Мистер Клиппс говорит,

⁵⁷ «Панамерикен» – крупная американская авиационная компания.

что у меня на людей чутье. По-моему, интересоваться людьми – это так естественно. Вон то норковое манто стоит не меньше трех тысяч долларов, вы согласны?

Миссис Клиппс перевела дух. Дав оценки всем своим будущим попутчикам, она начала испытывать нетерпение:

– Ну, чего мы дожидаемся, хотела бы я знать? Мотор запускали уже четыре раза. Все в сборе. Что же тянуть? И по расписанию давно пора.

– Может быть, вы бы выпили чашку кофе, миссис Клиппс? Вон там, я вижу, буфет работает.

– Да нет, благодарю вас, мисс Джонс. Я пила перед отъездом, и в животе у меня сейчас беспокойно, лучше не добавлять. Чего мы ждем, не понимаю.

Ответ был получен, не успела она закрыть рот.

Распахнулась дверь из коридора со стороны таможенных и паспортных служб, и в зал, точно порыв ветра, влетел высокий господин. Вокруг роились служащие аэропорта. Следом несли два запечатанных холщовых мешка.

Миссис Клиппс оживилась.

– Явно какая-то важная птица, – высказала она мнение.

«Да, и не стесняется важничать», – подумала Виктория. Действительно, в облике вновь прибывшего была вызывающая, почти нарочитая броскость. На

плечах – темно-серый дорожный плащ с большим откинутым на спину капюшоном, на голове – светлая широкополая шляпа наподобие сомбреро. Седоватые локоны чуть не до плеч. И великолепные серебристые усы концами кверху. Просто оперный бандит. Таких мужчин, которые красуются своей наружностью, Виктория не одобряла. Она оглядела его с осуждением.

А служащие аэропорта перед ним безобразно лебезили. «Да, сэр Руперт», «Конечно, конечно, сэр Руперт», «Сию же минуту и вылетаем, сэр Руперт».

Сэр Руперт, взмахнув широким плащом, простествовал на летное поле. Двери за ним с лязгом захлопнулись.

– Сэр Руперт, – негромко повторила миссис Клиппс. – Кто бы это мог быть?

Виктория пожала плечами, хотя у нее было смутное ощущение, что это лицо и общий облик ей откуда-то знакомы.

– Небось какая-то шишка в вашем правительстве, – высказала предположение миссис Клиппс.

– Едва ли, – покачала головой Виктория. Немногие члены правительства, которых она видела живьем, были тихони, виновато жмущиеся к стенке, оживали они только на трибуне, где сразу надувались и начинали вещать и поучать.

– А сейчас, – деловито провозгласила старшая стюардесса, похожая на воспитательницу в детском саду, – просьба всем занять места в самолете. Сюда, пожалуйста. Будьте добры, поторопитесь.

Говорилось это таким тоном, как будто перед ней малые дети, которые своей медлительностью испытывают терпение взрослых.

Пассажиры гуськом потянулись на летное поле.

Огромный самолет глухо гудел, как довольно урчащий лев-великан.

Виктория вдвоем с помощником пилота втащила миссис Клиппс в самолет и усадила на указанное в билете место. Сама села рядом, у прохода. И вот наконец миссис Клиппс удобно устроена, ремни защелкнуты, и только тут Виктория увидела, что прямо перед ней сидит важный сэр Руперт.

Двери самолета закрылись. Еще несколько секунд, и самолет медленно стронулся с места.

«Поехали! – восторженно подумала Виктория. – Ой, как страшно! А вдруг не взлетим? Действительно, такой огромный самолет, разве он может взлететь?»

Самолет невыносимо долго катил по аэродрому, потом остановился, развернулся. Моторы взвыли еще оглушительнее. Пассажирам разносили жевательную резинку, леденцы и вату для ушей.

А рев моторов все громче и громче, все пронзи-

тельнее и пронзительнее. Вот самолет снова тронулся с места. Сначала неуверенно, потом быстрее, еще быстрее. Они с бешеной скоростью катятся по летному полю.

«Не взлетим, – в отчаянье думала Виктория. – Разобьемся».

Все быстрее – все плавнее – без тряски – без запинок – оторвались – летят над землей, повернули, описали полукруг над автомобильной стоянкой, а вот и шоссе видно – все выше, выше – такой смешной игрушечный поезд тащится по рельсам – и домишки кукольные – и автомобильчики... Еще выше, еще... и вдруг оставленная внизу земля разом сделалась неинтересной, неодушевленной, нечеловеческой, просто – большая и плоская географическая карта, испещренная черточками, кружками, точками.

Люди в самолете расстегивали ремни, закуривали сигареты, листали журналы. Виктория очутилась в незнакомом мире, имеющем столько-то футов в длину и совсем мало в ширину и населенном двумя или тремя десятками людей. А за пределами этого мира не было ничего.

Она попробовала было снова взглянуть в окошко сбоку. Под ними были одни облака, мостовая из пухлых облаков. А самолет освещало солнце. Весь знакомый ей мир лежал где-то внизу, под облаками.

Виктория сделала над собой усилие и очнулась. Миссис Гамильтон Клиппс что-то говорила. Виктория вынула вату из ушей и склонилась к ней с вежливым вниманием.

Сидевший впереди нее сэр Руперт поднялся с кресла, закинул на полку для вещей свою широкополую светлую шляпу, натянул на голову капюшон и снова устроился в кресле.

«Разважничался как дурак», – мысленно обругала его Виктория с непонятым раздражением.

Миссис Клиппс присмирела с открытым журналом на коленях. И только по временам толкала Викторию локтем в бок, когда при попытке перевернуть страницу одной рукой роняла его на пол.

Виктория огляделась по сторонам. Оказывается, лететь на самолете довольно скучно. Раскрыла наугад какой-то журнальчик и наткнулась на рекламу: «Вы хотите усовершенствоваться в искусстве стенографии?» С душевным содроганием захлопнула журнал, откинулась в кресле и стала думать об Эдварде.

Сели в Кастель Бенито.⁵⁸ Лил проливной дождь. Викторию уже успело укачать. Чтобы бдительно ухаживать за миссис Клиппс, ей пришлось напрячь всю свою волю. Под хлещущим дождем их повезли в аэродромную гостиницу. А величественного сэра Рупер-

⁵⁸ *Кастель Бенито* – аэропорт близ города Триполи.

та, Виктория заметила, встречал офицер в мундире с красными петлицами, посадил в казенную машину и увез куда-то, где в Триполитании⁵⁹ обитают великие мира сего.

Их распределили по комнатам. Виктория помогла миссис Клиппс с туалетом и оставила ее в халате отдыхать до ужина на кровати поверх покрывала. А сама ушла к себе, тоже легла и закрыла глаза, радуясь, что больше не видит вздымающегося и проваливающегося пола.

Через час она проснулась совершенно здоровая и бодрая и пошла помогать миссис Клиппс. Вскоре новая

старшая стюардесса еще более командирским тоном, чем давешняя, объявила пассажирам, что сейчас их на машинах повезут ужинать. Когда ужин кончился, миссис Клиппс разговорилась кое с кем из спутников. А к Виктории прилепился господин в пестро-клетчатом костюме и долго, с подробностями, объ-

⁵⁹ *Триполитания* – историческая область в Ливии. В первой половине I тысячелетия до н. э. в ее прибрежной полосе были основаны три финикийские колонии: Сабрата, Оептис-Магна и Эа (современный Триполи). В конце VI века до н. э. эти колонии получили относительную самостоятельность и вместе со своими владениями составили область Триполитании. В дальнейшем эта территория была под властью различных завоевателей. С декабря 1951 года по май 1969 года Триполитания – одна из провинций независимой Ливии. В 1963 году как административная единица упразднена.

яснял ей, как делают карандаши. Потом их доставили на ночевку обратно в гостиницу, строго предупредив, чтобы были готовы к выезду завтра в 5.30 утра.

– Мы же совсем не видели Триполитанию, – вздохнула Виктория. – Самолетом всегда так?

– Я бы сказала, что да, как правило. Подымают утром безбожно рано, чистый садизм, а после этого вполне могут продержат на аэродроме час-другой. Помню, в Риме один раз нас подняли в три тридцать. Завтрак в ресторане в четыре ноль-ноль. А потом в аэропорте просидели до восьми. Но главное все-таки, что доставляют прямо до места без пересадок и всяких дурацких проволочек.

«И очень жалко, что без проволочек», – подумала Виктория. Она ведь хотела повидать мир.

– Представляете себе, милочка? – оживляясь, продолжала миссис Клиппс. – Этот интересный мужчина, знаете, англичанин? С которым все так носятся. Я ведь выяснила, кто он. Это – сэр Руперт Крофтон Ли, знаменитый путешественник. Вы о нем, конечно, слыхали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.